

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный аграрный университет
имени Н.И. Вавилова»**

**МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИИ
КУРС ЛЕКЦИЙ**

Саратов 2014

УДК 63
ББК 63.3

Ш-18 **Методы исследований в истории:** учебное пособие для аспирантов/
Составитель Н.В. Шалаева. – Саратов, 2014. – 80 с.

Курс лекций по дисциплине «Методы исследований в истории» составлен в соответствии с требованиями ФГОС ВО и предназначено для аспирантов, обучающихся по направлению 46.06.01 Исторические науки и археология, профиль подготовки Отечественная история. Пособие содержит материал по основным вопросам и проблемам методологии истории и рассматривает основные методы исследований, применяемых при написании кандидатских диссертаций. Пособие направлено на формирование у аспирантов навыков профессионального анализа и работы с научным материалом, выбором и темы исследования и подготовки текста диссертации.

Материалы пособия распределены по соответствующим рабочей программы темам, содержание которых раскрывается с учетом современной их трактовкой в научной литературе.

УДК 63
ББК 63.3

© Н.В. Шалаева, 2014
© ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Курс лекций составлен в соответствии с учебным планом по направлению подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология, профиль подготовки Отечественная история. Дисциплина «Методы исследований в истории» включена в вариативную часть профессионального цикла ОПОП ВО.

К исходным требованиям, необходимым для изучения дисциплины «Методы исследований в истории», относятся знания, умения и виды деятельности, сформированные в процессе изучения истории при получении высшего профессионального образования.

Целью освоения дисциплины «Методы исследований в истории» является формирование у аспирантов навыков проблемно-поисковых методов овладения историческими знаниями, самостоятельной научно-исследовательской работы, углубленное изучение теоретических и методологических основ исторической науки.

Структура дисциплины включает следующие разделы: общенаучные и специальные методы исследования. Количественные и качественные методы исследования.

Выпускник, освоивший программу аспирантуры, должен обладать следующими компетенциями:

- «способностью к критическому анализу и оценке современных научных достижений, генерированию новых идей при решении исследовательских и практических задач, в том числе в междисциплинарных областях» (УК-1);

- «способностью самостоятельно осуществлять научно-исследовательскую деятельность в соответствующей профессиональной области с использованием современных методов исследования и информационно-коммуникационных технологий» (ОПК-1);

- «способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин, историографии и методов исторического исследования, теории и методологии исторической науки» (ПК-4);

- «способностью осуществлять поиск информации, формировать и анализировать на уровне экспликации парадигмальных оснований научную базу исследований, и применять их результаты при решении конкретных образовательных и исследовательских задач» (ПК- 5).

В результате освоения дисциплины аспирант должен:

знать: основные концептуальные модели истории, направления в современной методологии; методы междисциплинарных исследовательских парадигм; способы и методы исторического исследования; основные методы оформления и разработки научных исследований; направления развития научных исследований в исторической науке; основные этапы разработки научно-исследовательской темы;

уметь: разбираться в теоретических вопросах исторического познания, объяснить роль и значение различных методов исторических исследований в системе научных знаний; использовать современные информационные технологии при поиске и обработке результатов; выполнять отчеты по научной работе в соответствии с современными требованиями;

владеть: терминологическим аппаратом исторической науки; навыками самостоятельного анализа и обобщения затронутых проблем; навыками применения на практике полученных теоретических знаний; историческими методами исследования (сравнение, анализ, сравнительно-исторический метод).

Общая трудоемкость дисциплины – 3 зачетных единицы (108 часов, из них аудиторная работа – 54 часа, самостоятельная работа – 54 часа).

ТЕМА 1

Общие проблемы методологии исследования

Историю понимают как критическое развитие по спирали к более высокому уровню бытия, к свободе от необходимости; как триаду тезиса, антитезиса и синтеза; как борьбу жизни и смерти. Историческое знание занято поиском единообразия, сходства и повторяемости. История может выразить несводимое к индивиду личностное начало, осознав человеческую неповторимость и индивидуальность.

В жизни общества попеременно доминируют то аналитические, то синтетические процессы. Аналитическому стилю мышления присущ рационально-логический характер, синтетическому – эмоционально-интуитивистский. О периоде таких колебаний есть разные гипотезы. Широта интересов историков делает границы истории расплывчатыми, особенно, если учитываются при этом достижения иных наук о человеке. С одной стороны, в историческую науку проникли математические методы, с другой – ей брошен вызов постмодернизмом. Однако «расщепленный образ исторической науки... соответствует расщепленному состоянию самой истории» человечества.

У реальной истории есть немало точек разрыва, точек забвения исторической памяти. Далеко не всегда профессиональный историк способен соединить разорванное. В марксистской науке существовало представление о том, что марксистско-ленинская методология – истина, а все прочее – заблуждение. Однако между истиной и заблуждением существует иная, более сложная, диалектическая, связь. Ф. Бэкон считал истину «дочерью времени». На излете советской власти академик И.Д. Ковальченко сетовал на то, что в исторических исследованиях мало учитываются два важных обстоятельства. Во-первых, то, что в научном знании истина и заблуждение сочетаются органично, что и порождает внутренние противоречия, споры и разногласия независимо от теоретико-методологических позиций историков. Во-вторых, «относительный характер получаемых в исследовательской практике знаний исключает право кого бы то ни было претендовать на конечную истинность этих знаний и окончательную завершенность изучаемых явлений и процессов. Наука тем и хороша, что в ней никому не дано сказать последнее слово».

Российская историческая наука длительное время абсолютизировала методологические конструкции. Классовый подход способствовал отождествлению историографии с идеологией, приводил к недооценке всех факторов развития человечества, кроме социально-экономических. Сложные, противоречивые, явления, события, личности пытались измерить с помощью стереотипов «друг – враг», «революционный – реакционный».

Проблема общего и особенного давно поставлена теорией, но с практической точки зрения она является вечно новой проблемой. А поскольку человеческая деятельность отличается целенаправленностью и целеполаганием, в исторической науке к двум классическим вопросам естествознания «почему?» и «как?» добавляется третий – с «какой целью?» («для чего?»).

Уникальность исторической науки состоит в своеобразной преемственности исследователей. Один из путей развития исторической науки – совершенствование внеисточникового знания, которое не содержится непосредственно в исторических источниках. Это призма, через которую историк смотрит на исторические источники и информацию, дает возможность его интерпретировать. Оно предполагает умение ставить новые вопросы. Это умение зависит от методологической подготовки историка, оно позволяет открывать в прошлом новые, неизвестные ранее ракурсы и пласты.

Термин «методология» происходит от греческого слова «методос», что означает «путь исследования», «способ познания». И. Кант, введший в философию термин «методология» (до него употребляли только слово «метод»), отождествлял ее с логикой. В научной литературе XIX века три близких по смыслу термина – методология, метод,

методика – употреблялись как синонимы. В древнегреческой философии, откуда они перешли во все европейские языки, слово «метод» означало «путь знания», «учение»; слово «методология» имело значение «учение о методе» или «теория методов»; «Методикой» именовалось не дошедшее до нас произведение Аристотеля. Слово «методика» употреблялось либо как синоним метода, либо в смысле техники исследования (что и стало общепринятым). Важно уяснить, что *методология – это не особая наука, а система отдельных теоретических положений, используемых историками как руководящие принципы их работы.* При таком понимании, метод исследования становится определенным выводом из методологии. *Методология – это своеобразное самосознание исторической науки, является интегральной областью знания.* Особенно это относится к историографии. Историография и методология истории изучают один предмет – историческую науку: историография – конкретно-исторически, методология – теоретически. Можно сказать, что методология – это путь познания историографии. По определению современных авторов, *методология исторической науки – это «теория научно-познавательной деятельности, направленная на разработку, анализ и критику методов научного исследования. Методология определяет характер постановки научных проблем, выбор адекватных путей и принципов их решения, разработку и критическую оценку методов исследования».*

Выдающийся методолог польский профессор Е. Топольский ввел деление методологии исторической науки на прагматическую, непрагматическую и объективную. Прагматическая занимается методами изучения прошлого, непрагматическая – анализом результатов этого изучения, а объективная осмысливает предмет исторического исследования в контексте потребностей последнего. Первые два вида носят не столько практический, сколько аналитический характер.

Многие авторы различают методологию в широком и узком смысле слова. В широком смысле методология обозначает совокупность общих установок и философских принципов. А в узком смысле слова методология представляет собой специальную дисциплину, задача которой – теоретическое исследование, реконструкция, оправдание и обоснование методов деятельности историка. Историческая наука страдает не столько от отсутствия широкого, философско-исторического подхода, сколько от недостатка методологических и логических исследований проблем реальной истории. Специалисты различают два варианта понимания предмета методологии истории и ее задач: как специальную теорию методов исторического анализа и как теоретическое отражение практики исторического исследования, его потребностей. Первый вариант, как описание, разработка и классификация методов анализа исторического материала, преобладает в методологических работах.

Иначе говоря, методология истории не сводится к воспроизведению общефилософских понятий в сфере исторической науки, хотя без некоторых философских обоснований или отсылок к авторитетам все же не обойтись. При этом суть методологии истории заключается в поисках адекватного подхода к исследованию конкретного исторического материала.

Методология исторической науки изучает ее предмет, особенности познавательной деятельности историка, отношение истории к другим наукам, искусству и морали. Особое внимание уделяется проблеме исторического сознания. Методологию определяют и как систему основополагающих идей, принципов, из которых исходит и которыми руководствуется исследователь в своей познавательной деятельности. Включая в свою предметную область проблемы философии, гносеологии, логики, этики и эстетики, история становится в методологическом отношении одной из самых сложных наук, где переплетаются самые разнообразные познавательные средства. История – это особая форма мышления, поэтому ее методология должна способствовать не только интерпретации фактических данных, но и познанию сущности предмета: «Методология и логика ничего не предписывают и не изобретают, но они уясняют ученому логическую

структуру его собственного мышления и тем самым раскрывают ему сущность приемов его собственной работы, содействуя достижению предельной точности ее результатов».

Одной из общих проблем философии истории и теории истории является проблема смысла истории вообще и смысла отдельных ее событий (конкретика тоже может быть проанализирована в общефилософском контексте). Ключевое значение проблемы смыслов объясняется тем, что история представляет собой открытый, незавершенный процесс, связанный с деятельностью людей. Поэтому и смысл истории является открытой проблемой, требующей постоянного уточнения.

Методологические размышления историков позволяют лучше понять, что же такое историческая наука и каков ее предмет. Может ли историческая наука изучать прошлое человечества во всем его многообразии, или она должна выделять из этого многообразия наиболее значимые явления? Каковы критерии отбора, дающие возможность различать существенные явления и несущественные? По мнению Б.Г. Могильницкого, предметом истории является особенное, которое можно определить, как историческую индивидуальность, чье познание, однако, предполагает соотнесение единичного с общим.

В работах современного немецкого историка Й. Рюзена, отрицающего тезис о всеобщих закономерностях исторического развития, под предметом исторической науки подразумевается множество частных историй. Авторы, сомневающиеся в возможности теоретического уровня исторической науки, претендующего на познание закономерностей, и их оппоненты схожим образом оценивают прогностические функции исторической науки, полагая, что прогнозировать можно лишь основные тенденции, направления и самые общие результаты развития. Факты предсказания крупных исторических событий до сих пор были исключением – никакой удовлетворительной методологии и методики исторического прогнозирования не существует.

Недостаточно исследован вопрос соотношения индивидуального и коллективного исторического сознания, вопрос воздействия исторической науки на их формирование. Социологи применяют термин «личная историческая память», понимая под ней личный срез исторического сознания. С этой памятью связано возрождение интереса к культурному наследию прошлого – к народным промыслам, народной медицине, народным праздникам и ярмаркам. Историческая память избирательна, она делает акцент на отдельные исторические события, игнорируя другие или гиперболизируя какие-то моменты исторического прошлого.

Принципы исторического познания. Принципы научного познания – это фундаментальные общие черты, объединяющие применение основных методов научного исследования. Главным общенаучным принципом является принцип объективности. В исторической науке этот принцип имеет свою специфику и дополняется принципом историзма и принципом партийности или ценностным подходом.

Принцип объективности. Абсолютную объективность можно определить как воспроизведение объекта таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания. В историческом познании увеличение объективности затрудняется, прежде всего, тем, что исследователь лишен возможности непосредственного наблюдения своего объекта, поскольку прошло уже не существует в данный момент времени, а все знание о нем преломляется сквозь призму источников. Историк, помимо собственной субъективности, приходится иметь дело со свидетельствами, созданными людьми прошлого и несущими отпечаток их субъективности, которая к тому же часто для нас до конца никогда не станет полностью понятной из-за разницы во времени и в культуре (так называемая проблема «двойной субъективации»). Однако увеличение объективности возможно уже благодаря самому осознанию наших различий с людьми прошлого и стремлению с помощью как можно большего количества разнообразных современных научных методов и теорий раскрыть эти отличия.

Принцип историзма окончательно формируется позитивистской науке XIX века. Его значение заключается, прежде всего, в обосновании глубинной связи времен, обусловленности настоящего и будущего историческим прошлым. Принцип историзма – это установка на изучение любого явления в его генезисе и развитии, это поиск в широком смысле истоков событий и этапов их развития и объяснение событий именно с точки зрения их истоков и этапов. Принцип историзма относится и к самому историческому познанию, которое также изменяется и развивается. Историк должен обращаться к историографии изучаемой проблемы, к причинам её возникновения и контексту её развития.

Ценностный подход. Неизбежно заинтересованное отношение историка к предмету своего исследования. Неизбежно соотнесение историком этого предмета со своим мировоззрением, со своими многообразными групповыми принадлежностями (идентичностями) – политическими, этническими, религиозными, экономическими. Историческое познание всегда пристрастно. Это пристрастие, согласно принципу объективности, нужно осознать, отразить и попытаться уменьшить.

В современной исторической науке было введено понятие «ценностный подход», который можно определить, как принципиальное требование учёта одним историком влияния мировоззрения других историков на создание образа событий, а также требование рефлексии по поводу собственных мировоззренческих оснований.

Главная познавательная *функция* оценочных суждений в исторической науке заключается в том, что посредством их объекта познания – прошлое – рассматривается как явление значимое для современной деятельности. В связи с этим ценностный подход связан с реализацией социальных функций исторического познания: коллективной памяти, воспитательной, политико-идеологической, прагматической.

Общенаучные и специальные научные методы. Методы научного познания – это совокупность приёмов, норм, правил и процедур, регулирующих научное исследование, и обеспечивающих решение исследовательской задачи. Научный метод – это способ поиска ответов на научно поставленные вопросы и одновременно способ постановки таких вопросов, сформулированных в виде научных проблем. Таким образом, научный метод – это способ добывания новой информации для решения научных проблем.

Использование научных методов познания выделяет историческую науку в таких сферах как историческая память, историческое сознание и историческое познание, конечно при условии, что использование этих методов будет правильным.

Научные методы можно разделить на общенаучные и специальные методы, свои в каждой научной дисциплине. Логические аксиомы, постулаты и каноны лежат в основе любого общенаучного метода познания и используются на всех этапах применения специально-исторических методов. Общенаучные и философские парадигмы и концепции взаимодействуют с общенаучными методами и взаимоизменяются с течением времени вместе с развитием общественного сознания и сменой поколений в научном сообществе.

Общенаучные методы разделяются на эмпирические (от греческого *empeiria* - опыт) и теоретические (от греческого *theoréo* – рассматриваю). Эмпирические методы:

наблюдение – пассивное созерцание объекта изучения без вмешательства в него и накопление качественной информации о нём;

измерение – получение количественной информации из результатов наблюдения;

эксперимент – активное вмешательство в изучаемый объект и наблюдение уже за вызванными изменениями. Эксперимент может быть реальным и мысленным. Мысленный эксперимент называют теоретической моделью.

Теоретические методы – это обобщение, анализ, синтез, абстракция, сравнение, индукция, дедукция, системный подход, формализация, алгоритмизация, моделирование.

Основные методы исторических исследований следующие:

- абстрагирование в историческом познании,
- сравнительно-исторический метод,

- причинно-следственный анализ связей между историческими событиями,
- типологизация исторических явлений,
- историко-системный анализ,
- структурно-диахронный анализ исторических процессов.

Каждый из основных исторических методов содержит в себе комплекс общенаучных методов и логических процедур (например, логическая процедура аналогии лежит в основе общенаучного метода сравнения, на общенаучном методе обобщения основан метод исторической типологизации).

Научно-исторические теории и концепции – основа для выработки новых специально-исторических методик и для определения корректности используемых методов и оценки адекватности результатов, полученных с помощью этих методов.

Специальные методики исторических исследований разделяются на специальные методы, заимствованные из других дисциплин (социологии, демографии, географии, экономики, психологии, математики, лингвистики; химии, если анализируется материальный исторический источник и из любых других наук) и специальные методы, возникшие внутри исторического познания. При интерпретации древних летописей или хроник, археологических источников, административных документов прошлого, личных записей исторических деятелей и так далее, используются особые непохожие друг на друга специальные методы. Какой бы заимствованный из других наук методический и понятийный аппарат не использовал историк, он в любом случае явно или неявно исходит из основных методов исторического познания, то есть он либо сравнивает какие-то исторические явления, либо проводит их типологизацию, либо изучает их системные свойства и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

ТЕМА 2

Становление и развитие методов научного познания

Первой мощной мировоззренческой системой был *провиденциализм*. Христианская картина мира базируется не на очевидности, а на вере, как исходной посылке ориентации человека в мире. В рамках провиденциализма задается представление о движущих силах исторического процесса, о направлении его движения, и даже проблематика, характерная для средневековой историографии.

История подразделяется на «священную» – связанную с творением и существованием человечества от Адама, освященную прямым вмешательством Божества в это существование, с включением и акцентуализацией на земной жизни Спасителя Мира-Иисуса Христа и «профанную», не связанную с непосредственной деятельностью персонажей Божественной Троицы или ангельской иерархии.

При этом исторический процесс рассматривался как Божественное предназначение, он имел начало (появление первой пары людей) и конец (Апокалипсис). В средневековой историографии историческое время рассматривалось как прямолинейное. Причинность исторических событий носила вертикальный характер (от Бога- к человеку). Тем самым мыслитель неосознанно – интуитивно символично в осознании истории воспроизводил крест, три конца которого уходили в сферу божественного.

Отражением провиденциализма явились широко распространенные в средневековье периодизации исторического процесса: деление истории на шесть веков; деление истории в соответствии с возрастами человека: детство, отрочество, юность, зрелость, старость; и периодизация по четырем мировым монархиям (Вавилонская, Персидская, Греко-Македонская и Римская). Идея преемственности монархий станет затем стержневой идеей средневековых исторических концепций.

Как считал М.А. Барг, применительно к средневековой историографии, «священная» история – это вовсе не поток, а совокупность моментов, в которых провидению угодно было «раскрыть» божественный смысл исторических судеб человечества. Иначе говоря, речь идет об одной единственной человеческой истории, но которая, во-первых, разворачивается в двух планах: в смысловом (в сфере небесной) и в событийном («деяния») и, во-вторых, состоит из двух родов принципиально отличных деяний – человеческих и «божественных» (хотя и над первыми –«воля божья»– вечно витающая и проявляющая себя сила)».

Высшим авторитетом для средневекового книжника была Библия. Постепенно складывается канон историописания, когда «профанная» история разворачивается на фоне библейской. Средневековое мировоззрение вызвало к жизни и специфический жанр историописания (в русской традиции летопись, в европейской - хроника) и магистральную проблематику: образование национальных государств и идею единства.

В отечественной традиции в рамках провиденциализма уже с XVI в. можно говорить о *прагматическом подходе* к историческому процессу, когда в трактовке его на первый план выступает принцип полезности и целесообразности. Наряду с “Божественным предопределением” становится все более очевиден интерес к человеку и его психологии.

Такая картина мира не только вносила изменения в проблематику историописания, но и задавала новые жанры (историческая повесть), где причинность исторического процесса все чаще перемещается в поле человеческой психологии, человеческих страстей. Хотя, сразу заметим, что новое понимание человека и его характера начинает слагаться в произведениях XVII в. Период Смуты, новый быстро меняющийся социальный опыт оттесняет теологическую точку зрения на исторический процесс, акцентируя прагматическое его толкование. Д.С. Лихачев отмечает как новое явление данного периода- интерес к интерпретации событий, а не к их фиксации, интерес к человеческому характеру и новым к нему отношением.

ВXVIII в. на смену провиденциализму приходит рационализм (от латинского *ratio* – разум). Главной движущей силой исторического процесса видится “борьба ума и глупости”.

В это время разум сильно потеснил Бога и даже встал рядом с ним. Определяющая роль разума отныне признается не только в познании, но и деятельности людей. В рамках рационализма утверждалась мысль о естественном развитии исторического процесса, об активном участии человека (прежде всего венценосца) в этом процессе. Активная личность может построить разумное общество, обязательным условием чего является просвещение. Не случайно, в это время мы видим попытки рассмотреть исторический процесс как “умопросвящение”, следствием чего можно считать назидательность, нравоучительность, характерную для исторических сочинений. (“История - чертеж для мореплавателя, руководство для политика”). Главной действующей фигурой выступает монарх, а история России представляется как история монархии.

Летописание сменяется специальными фундаментальными исследованиями, авторы которых стремились к рациональной организации исторического материала с опорой на различные виды исторических источников. В рамках рационалистической философии зарождается критическое отношение к сообщениям исторических источников. Но в качестве критерия отбора, выбора между свидетельствами, которые противоречат друг другу выступает исключительно здравый смысл историка. В историческом познании историками просвещения реализуется критический метод, причем важно подчеркнуть, что они указывают не только на такую процедуру, как фактографическое сопоставление разных свидетельств, но и ставят вопрос о необходимости учета обстоятельств и цели создания источников.

В рамках новой методологии происходит существенное расширение проблематики исторического исследования. В поле изучения попадают вопросы истории государства, истории городов, отдельные классы и сословия, история просвещения, гражданский быт.

Огромное воздействие на развитие как мировой, так и русской науки оказала *философская система Гегеля*. Классифицируя направления историографии Гегель рассматривает три ее вида: первоначальная история, рефлексивная история, и философская история. Особое внимание Гегель уделяет рефлексивной истории, которая “возвышается над современной историей не в отношении времени, а в отношении духа”. Немецкий философ подчеркивает, что “история заканчивается в настоящий момент”.

Основной момент этой рефлексивной истории отличается от принципов как предшествующего рационализма, так и следовавшего за ним позитивизма. При написании “всеобщей истории”, историк, по Гегелю, подходит к обработке исторического материала “со своим духом, отличающимся от духа содержания этого материала”. Гегель обращает внимание на те принципы, которые должен для себя выработать автор и в связи с этим пишет, что история “которая задается целью дать обзор продолжительных периодов или всей всемирной истории должна в самом деле отказаться от индивидуального изображения действительности и прибегать к сокращенному изложению путем применения абстракций - это сокращение производится не только в том смысле, что пропускаются события и действия, но и в том смысле, что мысль резюмирует богатое содержание.

Гегель кроме первоначальной и рефлексивной истории выделяет также философскую историю. Он вскрывает противоречие в самом существовании двух понятий: философия и история, но при этом настаивает на необходимости производить историческое исследование эмпирически. Всемирно исторический процесс он рассматривает как развитие мирового духа. Гегелевская философия содержала по крайней мере две очень продуктивные для национальных историографий идеи: идею внутренне обусловленного исторического процесса и идею государства, которое рассматривалось как естественно-необходимая и высшая форма социальной организации.

Молодые интеллектуалы России тридцатых-сороковых годов зачитывали Гегеля до дыр. Так, *С.М. Соловьев* вспоминал: “Гегель кружил нам всем голову, хотя очень немногие читали самого Гегеля. Пользовались им из лекций молодых профессоров. И моя голова работала постоянно; схватив несколько фактов я уже строил из них целое здание... “Философия истории” произвела на меня сильное впечатление”. Человек из другого общественного лагеря *А.И. Герцен* практически то же самое напишет в своей знаменитой книге “Былое и думы”: “Все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и других губернских и уездных городах немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней... Люди, любившие друг друга расходились на целые недели не согласившись в определении “перехватывающего духа”, принимали за обиды мнения об “абсолютной личности” и о ее “по-себе-бытии”.

Именно на основе гегелевских идей сложилась школа (по нашему мнению, направление) государственников или государственная школа в русской историографии.

Центр тяжести здесь был перенесен на изучение идеи закономерности, внутренней обусловленности исторического процесса, поиск внутренних пружин, противоречий русской истории (борьба родового и государственного начала, борьба леса и степи, борьба старших и младших городов и т.д.), а также на изучение государства и его институтов. Итак, в рамках данной философской доктрины выстраивалась новая картина мира, сложилась новая проблематика, с безусловными элементами демократизации и утвердился новый (монографический) жанр исторического исследования.

Уже в творчестве *С.М. Соловьева* ощущаются попытки соединения гегельянства с позитивизмом. Позитивизм как философское течение возник еще в первой половине XIX века. Его создателями были *Огюст Конт* во Франции и *Джон Стюарт Милль* в Англии, но широкое распространение позитивизм получает во второй половине XIX столетия благодаря трудам *Г. Спенсера* и *И. Тэна*. Если рационализм, с которым связано становление исторического знания как знания научного свойственен Новому времени с его эмансипацией человеческой личности, стремлением к всеобъемлющему научному знанию, гармонизирующему картину мира, то позитивизм с его девизом “savoir pour prévoir, prévoir pour prévenir” (знать, чтобы предвидеть, предвидеть чтобы предотвратить) характерен уже для новейшего времени с его прагматизмом, невниманием к человеческой личности, господством технократических ориентиров.

Позитивизм - достаточно сложное и неоднородное мировоззренческое течение, включающее различные течения и группировки. Но общими для позитивизма являются следующие основополагающие положения:

1. Выделение трех стадий развития коллективного сознания - теологическое мышление, метафизическое (критическое) мышление и позитивное, основанное на опытном знании. История человечества рассматривается как отражение коллективного сознания.

2. Теория равноправных факторов. Исторический процесс мыслится как результат параллельного и равнозначного воздействия многих факторов - экономического, политического, биологического, идейного, психологического. Исторический процесс - калейдоскоп факторов.

3. Тождество истории и социологии с науками естественными. Историки, переживая комплекс неполноценности перед точными и естественными науками стремятся уподобить историю этим наукам. И если рационалисты рассматривали историю как собрание нравоучительных примеров, то позитивисты искали в ней закономерности. В позитивизме исследование четко делится на две части, четко следующие друг за другом: реконструкция фактов и установление закономерностей. Законы устанавливаются путем обобщения этих фактов каждый из которых рассматривается как изолированный от других и независимый от позиции исследователя.

4. Идея эволюционизма. Прогресс общества - это медленное развитие от простого к сложному, от однородного к неоднородному.

5. Противопоставление научной позитивной стадии предшествующим, дистанцирование от философии истории усиливало элементы агностицизма.

В отечественной научной традиции отмечаются две волны распространения позитивизма - 1840-е и 1860-1880-е гг. Позитивизм становится одной из самых популярных и долгоживущих философских доктрин. Андрей Белый в блестящей афористичной форме отразил “позитивистский искуc” русского образованного общества - в профессорской среде, по его словам, дети ползали не иначе как по-позитивистски, а первые слова произносили не иначе как по-конституционалистски.

Позитивизм исключал метафизическое, в том числе религиозное из исторического процесса, серьезнейшим образом расширял проблематику, сделал цветной и объемной картину исторического процесса и создал культ источника.

В исторических исследованиях четко обозначилась новая научная цель: разбить исторический процесс как целое на нормальные, живучие группы, отыскать пути развития отдельных групп, сравнивать их друг с другом, найти между ними сходство, аналогичные ступени, отыскать в развитии групп движущие “причины” явлений, открыть законы смены и движения.

При этом историки мыслили исторический процесс как “эволюционные ряды твердого очертания, каковы - право, хозяйство, государственная и общественная организация, культура. У В.О. Ключевского это проявлялось в теории факторов, им были названы три основные силы исторического процесса - личность, общество, природа. “Каждая из этих сил, - по В.О. Ключевскому, - вносит в состав общежития свой запас элементов и связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы”.

“Элементы” общежития, в свою очередь разделяются им на физиологические (пол, возраст, кровное родство), экономические (труд, капитал, кредит, юридические и политические (власть, закон, право, обязанности), духовные (религия, наука, искусство, нравственное чувство). Механизм действия этих элементов представлялся В.О. Ключевскому в их различном сочетании. Но самыми мощными двигателями человеческого развития, по В.О. Ключевскому, являются “умственный труд и нравственный подвиг”.

П.Н. Милоков полагал, что история подобна другим наукам и должна найти законы явлений и отыскать в этих явлениях “известную правильность”. Исторический процесс, по П.Н. Милокову, как и у В.О. Ключевского, многофакторный, в нем он различает действие среды, экономики, личности и государства. “Выделять какую-либо причину мы можем, - замечает П.Н. Милоков, - только для удобства исследования; в мире нет отдельно действующих причин, а есть “только сложные равнодействующие”, объяснение которых “составляет последнюю задачу науки”.

С середины 1890-х гг. позитивистская парадигма переживает теоретико-методологический кризис, отражающий внутренние тенденции развития научного знания конца XIX-начала XX вв. Сущность кризиса связана с формированием нового релятивистского взгляда на мир, получившего свое выражение в науке в третьей научной революции, и прежде всего с успехами физики. Экстенсивный путь развития исторического знания за счет введения в научный оборот новых источников оказался практически исчерпанным. Наконец, сама социальная реальность начала XX века сминала идею прогресса, усиливала настроения скепсиса внутри научного сообщества.

Критический позитивизм сформировался в лоне позитивистской историографии, но главное внимание теперь переносилось на теоретико-методологическую проблематику. К критическим позитивистам в российской историографии относят Д.М. Петрушевского, Е.В. Тарле, В.П. Бузескула, Н.А. Рожкова, М.М. Хвостова, П.Н. Милокова. Для воззрений критических позитивистов были характерны:

1. Пристальный интерес к теоретико-методологическим вопросам истории, результатом чего явилось оформление методологии истории в самостоятельную дисциплину;

2. Выдвижение субъекта познания как активного творческого начала в процессе познания, рассмотрение субъекта познания как детерминированного историческим миром;

3. Отстаивание единства научного знания с учетом специфики истории, как общественной по своей природе науки;

4. Утверждение относительного характера исторических истин, их зависимости от социальной практики современности;

5. Защита роли общих понятий в историографии; признание повторяемости основных элементов и стадий в общественно-историческом процессе;

6. Пристальное внимание к социально-экономической стороне истории, вплоть до признания социально-экономического фактора системообразующим;

7. Отказ от теории исторического прогресса, сосредоточение внимания на сравнительном изучении отдельных культур и народов.

Становление данной парадигмы “критического позитивизма” было насильственно прервано в начале 1920-х гг..

В конце XIX - начале XX века почти одновременно начинают распространяться методологические воззрения *неокантианства и марксизма*.

В противопоставление позитивистской философии игнорирующей реальное своеобразие исторического исследования основоположниками ориентированной на решение проблем методологии истории неокантианской “баденской школы” В. Виндельбандом и Г. Риккертом была предпринята попытка обосновать специфику исторической науки.

Основатели баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт для обозначения номотетических наук использовали название “естествознание” или “наука о природе”, а для обозначения сферы применения идеографического метода - “история” и “науки о культуре”. Эти названия нельзя отождествлять с традиционным естествознанием и с традиционной историей - имеются лишь методы, а не конкретные предметы области их применения. Природа и история, говорил Г. Риккерт, это “не две различные реальности, но одна и та же действительность, рассматриваемая с двух сторон различных точек зрения”.

Современная философская интерпретация неокантианства настаивает на мысли, что для них (неокантианцев) понятия “природа” и “история” ничего общего не имеют не только с традиционно существующими сферами научного знания, но и с теми областями действительности, которые считались предметными областями той или иной науки.

Отсюда следует, что система понятий неокантианства лишена онтологического статуса, а имеет только методологический. Проблема бытия снята, а предмет можно, оказывается, сконструировать, “задать” познающим субъектом самому себе. Кроме того, необходимо заметить, что уровень рассмотрения внутреннего методологического дуализма научного знания в ортодоксальном неокантианстве был достаточно абстрактным: только в рамках науки в целом, но ни в коем случае не на уровне конкретным наук. Только применительно ко всей науке признается необходимость двух методов, а в какой-либо отдельной науке предполагается господство одного; использование второго возможно, но не вытекает из внутренней природы данной науки.

Характеризуя идеографический метод как способ изучения индивидуальных явлений и противопоставляя его генерализации, неокантианцы не сводили это противопоставление к оппозиции частного и общего. Индивидуализация - вовсе не выявление того частного, что остается за вычетом общего. Это особое, целостное “видение” предмета. Идеография “предполагает погружение исследователя в ткань исторического материала, его способность вникнуть в “душу живую” факта.

Описание фактов призвано выволить из плена времени все то, что делает факт “заложником вечности”. Такое описание и отвечает требованию индивидуализации.

В отечественной исторической традиции наиболее последовательно идеи неокантианства разрабатывал А.С. Лаппо-Данилевский, который начинал как позитивист, и, как полагают многие исследователи, с конца 1890-х годов упорно и целенаправленно двигался к новой, неокантианской парадигме. Понятие “мирового целого”, - одно из основных понятий в рассуждении Лаппо-Данилевского об объекте исторического познания. Для него этот объект - всеединое человечество, вычленяется историком из мирового целого. Само “мировое целое” не конструируется как эпистемологическая категория. Лаппо-Данилевский писал о восприятии человеческим сознанием “мирового целого” как о единственно возможном: историк представляет действительность в виде единого целого. Как видим, Лаппо-Данилевский начинал исследование с анализа восприятия действительности субъектом познания. Неокантианство переносит акценты в методологии истории (если раньше историки рассматривали “движущие силы исторического процесса” как основной вопрос методологии, то теперь в центре внимания встал вопрос познания этого процесса). “Мировое целое” - это предельное понятие. Историк вычленяет объект своего исследования - человечество как часть “мирового целого”, наделенное сознанием, и, в качестве такового, воздействующее на “мировое целое”.

Лаппо-Данилевский пришел к выводу о том, что человечество, по мере объединения на основе осознания “абсолютных ценностей”, все больше становится “великой индивидуальностью”. Осознавая и реализуя систему “абсолютных ценностей”, человечество все больше становится взаимозависимым, а с другой все больше воздействует на тот универсум, частью которого оно является. Лаппо-Данилевский не разделял противопоставление наук о природе и наук о культуре по их методу; он отстаивал необходимость применения к исследованию гуманитарных проблем обоих методов, считая результативным только их синтез. Лаппо-Данилевский говорил о необходимости применения взаимодополняющих подходов - как индивидуализирующего, так и типизирующего.

Данный принцип преломился даже в структуре “Методологии истории”. Лаппо-Данилевский создал оригинальное учение о продуктах культуры - исторических источниках. По Лаппо-Данилевскому, предмет источниковедения - исторический источник, как реализованный продукт человеческой психики. Он исследовал методы интерпретации источника, целью которого является “понимание индивидуума прошлого”, творца произведения культуры, - исторического источника. Исторический источник (продукт культуры) выступал в его концепции как интегрирующее начало гуманитарного знания, целостность которого не конструируется из отдельных частей (экономика, социальные отношения, культура), а выводится из единого основания - принципа “признания чужой одушевленности”.

Грандиозный неокантианский проект видения исторической науки серьезно изменял проблемное поле как в направлении методологии истории, так и разработке истории культуры с пристальным вниманием к человеку.

Практически одновременно с неокантианством в отечественную историографию проникают зерна марксистской методологии для которой было характерно стремление к историческому синтезу, обращение к безусловно генерализирующей категории общественно-экономической формации. Всемирно-исторический процесс рассматривался с точки зрения становления и развития общественно-исторических формаций с пристальным интересом к революционным скачкам в развитии общества.

На первый план в марксистской историографии выходит классовая борьба как движущая пружина исторического процесса. Марксизм актуализирует экономическую историю, историю классов и сословий, классовой борьбы. Материалистическое понимание истории становится знаменем марксистской историографии.

Характерно, что этот материалистический иску прошли многие молодые историки в 80-90-е годы XIX века (П.Н. Милуков, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский), хотя в дальнейшем некоторые из названных историков этот факт отрицали. Большая роль в распространении материалистического понимания истории принадлежит Г.В. Плеханову. Принципиально о своих марксистских позициях заявили два профессиональных историка: М.Н. Покровский и Н.А. Рожков. Что касается последнего, то его марксистские взгляды оспариваются современными историографами.

Обратим внимание на то, что профессиональные историки рубежа веков относились к марксистской методологии как к равноправной в ряду прочих, хотя и подвергали ее критике за невнимание к субъективному фактору в истории. Таким образом, мы можем зафиксировать связь методологии истории с проблематикой исторического исследования и с возможностью конструировать общий взгляд на исторический процесс. Но, в то же время, подчеркнем, что автоматической связи между методологией и конкретной историографией в принципе быть не может.

В последнее время предпринимаются попытки привязать периоды развития русской исторической мысли к столетней матрице, но этот подход требует детальнейшей проработки.

Все авторы, выделявшие различные этапы в развитии науки подчеркивают “синтетический” характер периодизации, но в историографической практике в советской историографии на первый план выдвигались социальные критерии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

ТЕМА 3-4

Методологический плюрализм XX в.

То, что ныне принято называть постмодернизмом, напоминает итальянский маньеризм XVI века. Маньеристы утверждали неустойчивость бытия, власть иррациональных сил, субъективность искусства. Художественные произведения маньеристов отличались усложненностью, напряженностью образов, изощренностью формы, пронизанностью ощущением двойственности всех вещей. Некоторые современные методологические и эстетические формы исторического познания, отражающего парадоксальность и нестабильность исторической реальности, сводятся к своеобразному историософскому маньеризму как методу изображения прошлого.

Общество и история связаны идеей прогресса, выдвинутой в эпоху Просвещения. В XIX веке идея прогресса была воспринята исторической наукой, в XX веке оформилась в концепцию модернизации. Вообще-то понятие «модерн» значительно древнее, чем об этом принято думать. Впервые его использовали христиане, противопоставляя себя язычникам. Альфой и омегой модернизации стала наука. Для постмодернистов наука (а еще более - информация) – лишь объект исследования. Появление термина «постмодерн» относят к началу XX века. В 1917 году он был употреблен в работе о кризисе европейской культуры, в 1947 году использован А. Тойнби для описания современного состояния западной культуры. Понятием «постмодерн» обозначают ситуацию, когда противопоставление старого и нового теряет смысл, когда приходит понимание ценности и самодостаточности многого из того, что было создано в прежние эпохи. По мнению теоретика постмодерна Ж. Дерриды, мышление должно отказаться от использования традиционных понятийных оппозиций, таких как субъект – объект, целое – часть, внутреннее – внешнее, реальное – воображаемое. Следом уйдут и другие противопоставления: Восток – Запад, капитализм – социализм, свои – чужие и даже мужское – женское. Позитивная программа постмодерна предполагает переход от законодательного разума к интерпретирующему. Признаком постмодерна считают стирание границы между элитарным и обыденным вкусами, интеллектом и эмоциями, реальностью и фантазией. Ему свойственна разноплановость и многозначность.

Постмодернисты уверяют, что модернизацию нельзя считать финальным этапом истории. Становление индустриального общества привело к сдвигу в базовых ценностях. Уменьшается относительная значимость рационального, акцентируется качество жизни. Нормы индустриального общества с их нацеленностью на дисциплину и достижения уступают место постмодернистской свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения. Общество постмодерна не доверяет иерархическим институтам и жестким социальным нормам, уменьшает значимость любых видов власти и авторитета, меняет религиозные и сексуальные ориентации.

По мнению французского постмодерниста Ж.-Ф. Лиотара, слово «постмодерн» появилось на свет на американском континенте из-под пера социологов и критиков, обозначавших состояние культуры после трансформаций в науке и искусстве, отразивших недоверие в отношении метарассказов. Если модернисты считают наиболее значительной бесспорную информацию, то для постмодернистов именно спорные факты являются истинными. То, что модернист называет «несомненными научными фактами», для постмодерниста – лишь многочисленные вариации парадокса лжеца, или парадокса критянина, утверждавшего, что все критяне лгут. Подвергнув критическому анализу теории модерна, постмодернисты увидели их порок в конструированном поиске истины. Ущербность марксизма, позитивизма, структурного функционализма и других модернистских разновидностей, на их взгляд, заключается в предположении о наличии объективной реальности, которой не существует, в отрицании вариативности исторического процесса, в европоцентризме, в признании объективного характера фактов и законов. Постмодернизму свойственно внимание к повседневной жизни, где протекают

процессы, ускользающие от рационального анализа. Повседневность трактуется как социальная и духовная реальность, проявляющаяся в культурно-бессознательном бытовом аспекте жизни.

Постмодернизм заменяет теорию анализом текста: «чтобы текст заговорил, его нужно ранить... Мы наносим ему рану своим намерением обнаружить смысл». Постмодернистский термин «дискурс» (рассуждение) призван заменить термин «исследование». Отрицая систему и метатеорию, постмодернизм предполагает методологический и теоретический плюрализм. Одним из его достижений можно считать расширение внимания к культурному наследию прошлого. Постмодернизм сближает историю с искусством, используя исторические материалы в художественном творчестве. Благодаря этому происходит своеобразное обновление истории, историки находят новые стимулы и перспективы, перед ними открываются междисциплинарные границы. По определению Ф. Анкерсмита, постмодернизм есть радикализация историзма, несмотря на то что в отличие от историзма постмодернизм познает исторический объект в «сверхъестественной» независимости от него самого.

Некоторые авторы полагают, что в американском варианте постмодернизм решает прикладные задачи, в то время как европейский постмодернизм осуществляет глобальный мировоззренческий переворот. Возможно, что такое впечатление сложилось на основе дискуссий, которые в американской академической среде шли на повышенных тонах. Однако оно противоречит тому факту, что признанным лидером постмодернистского теоретического и методологического обновления историографической критики стал все-таки американец Хейден Уайт. Его тропологическая теория истории концептуально повлияла на анализ исторических произведений. Тропы, т.е. употребление слов в образном смысле, из художественного мышления были перенесены в научное, позволив расширить возможности слов и образов, обратить внимание на сходство и различие явлений, на парадоксы и метафоры в историческом обличье. Историческое понимание парадоксально по природе. Х. Уайт считает, что историография иронична по своей сути. Это дает возможность расширить эстетическую сферу исторических размышлений и соответствует признанию стилистического измерения исторического произведения.

Постмодернизм в истории означает другой способ ориентации в изучении человеческой жизни, предлагает возвращение прошлому его собственного достоинства. Постмодернистская историография благоволит к жертвам модернизации – маргиналам, меньшинствам, женщинам. Некоторые исследователи полагают, что постмодернизм – это не новая эпоха и не парадигма, сменившая модернизм, а лишь определенный стиль, форма, манера, способ организации материала, своеобразный двойник культуры, извечно ей сопутствующий. При таком взгляде на постмодернизм его представителями можно назвать древнегреческих софистов и скептиков, а также Ницше, Гоголя, Малевича, Хармса, С. Дали. Постмодернизм с такой точки зрения – это вызов устоявшемуся общественному мнению, разрушение привычной системы ценностей, смена логики в развитии культуры, иначе говоря, новая модификация вечных проблем. Идейная эклектика и фрагментарность составляют пафос полного плюрализма. У историков меняется восприятие времени и пространства, разрушается уверенность в адекватности научных и моральных суждений, эстетика занимает место этики, визуальное изображение оттесняет словесное описание. По мнению польского социолога З.Баумана, возникновение постмодернизма связано с утратой интеллектуалами уверенности в себе, с потерей интеллектуальных ориентиров. Вот почему постмодернисты отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические посылки и закономерности.

В 60-е годы XX века постмодернизм сложился как направление в литературной критике, искусстве и философии. С 70-х годов его влияние начинает сказываться на трудах по этнологии, историософии, а позднее и истории.

Читать, по мнению постмодернистов, значит выявлять смыслы, а выявлять смыслы значит именовать их. Отличительным признаком постмодернизма все более становится

неприятие фундаментальных нарративов, недоверие к универсальным нормам. Отвергая положение о социальной целостности и причинности, постмодернизм утверждает герменевтический подход к истории.

Огромную популярность приобрели книги французского философа и историка М. Фуко, в которых исследуются сумасшествие, тюрьма и сексуальность, а также предпринята попытка понять, как знание взаимодействует с властью. Он полагал, что сам предмет герменевтической интерпретации во многом фиктивен, поскольку в самом начале исследования историку еще нечего интерпретировать. Исторический факт, по Фуко, - это интерпретация интерпретаций. Фуко сравнивал процесс познания с рассматриванием тусклого изображения в старом зеркале, лишенном деревянной основы и приспособленном вместо оконного стекла. Метафора зеркала, использованная Фуко, напоминает выражение В. Набокова: на истину ложится тень инструмента. Зеркало Фуко отражает преимущественно черты самого исследователя, его стиль, манеру и подход, и только там, где амальгама стерлась полностью, возникают отдельные элементы реальности, неопределенные и раздробленные, нуждающиеся в интерпретации, в смысловом контексте. Дискурс становится и мыслью, и смыслом, и ментальностью.

Начало использованию постмодернистского подхода в исторической науке помимо М. Фуко положили французский историк Ш. Рансьер и английский историк Г. Стедмен. В книге «Ночь пролетариата» Рансьер рассмотрел классовое сознание как результат отчуждения рабочих, стремившихся получить образование ради того, чтобы выбраться из угнетающего окружения. Г. Стедмен написал эссе, посвященное пересмотру истории чартизма, где отверг традиционную интерпретацию чартистского движения - как вызванного гневом, нищетой и социальным упадком. Оба автора поставили под сомнение концепцию опыта, настаивая на том, что «пережить опыт» класса можно только при условии определения его дискурса. Таким образом, была подчеркнута роль языка в формировании новых реалий классового общества. Если язык науки затрудняет восприятие реальности, то его следует усовершенствовать и прояснить.

Историк-модернист приходит к выводам на основании анализа источников и скрытых за ними свидетельств исторической реальности. С точки зрения постмодерниста, свидетельство представляет не само прошлое, а другие интерпретации прошлого. По словам Ф. Анкерсмита, «для модерниста свидетельство – это плитка, которую он поднимает, чтобы увидеть, что находится под ней, постмодернист же, напротив, ступает на плитку, чтобы пойти дальше по другим плиткам: горизонтальный метод вместо вертикального». Применяя горизонтальный метод, историк не будет относиться к свидетельству как к увеличительному стеклу, оно будет для него взмахом кисти, позволяющим художнику достичь определенного эффекта. Свидетельство не будет отсылать в прошлое, оно даст возможность поставить вопрос о его использовании в том или ином конкретном случае, ибо свой смысл и значение приобретет только в столкновении с ментальностью того времени, в котором живет историк. Постмодернистский вариант исторического портрета эпохи пишется на основе того, что не было высказано вовсе или было высказано только шепотом, либо выражалось лишь в незначительных деталях.

Работая только с текстом, постмодернист переосмысливает его так, что возникает новый текст. Постмодернистская культура жива многоязычием и разнообразием идей. Мозаичное мышление постмодернизма формируется в контексте телевизионной и компьютерной культуры. Отсутствие жестких принципов компенсируется гибкостью, способностью к компромиссам. Постмодернистское пространство насыщено игрой цитат, откровенных подражаний, заимствований и вариаций на чужие темы. Отрицая универсальные ценности, постмодернизм провозглашает полное принятие всего, что существует. Ценности, по мнению теоретиков постмодернизма, перестают быть предметом спора.

Постмодернизм антиэлитарен, он уничтожает оппозицию высокой и массовой культуры, отказывается от политизированного взгляда на историю. Возникает возможность понимать историю с точки зрения культуры. Постмодернизм утверждает открытость исторического познания, свободу от догматизма. Историки-постмодернисты показали, что язык исторических документов всегда использовался для оправдания власти. Применение методологии постмодернизма ведет к децентрализации мировой истории: множество точек зрения на историю нельзя свести к единому знаменателю. Всеобщая история становится совокупностью «частных» историй.

Некоторые авторы полагают, что и в рамках постмодернистской методологии историю можно трактовать как нечто единое и неделимое, поскольку разные культуры и цивилизации – это инварианты одного и того же человечества. И, таким образом, сильная сторона постмодернистского мышления заключается в признании культурного полифонизма. Другие же пугают историков «дурной бесконечностью мелкотемья», которая якобы агрессивно навязывается в силу постмодернизации истории. Согласиться с этим обвинением невозможно: постмодернизм чужд агрессии, ибо терпим ко всем точкам зрения.

По мнению Л.П.Репиной, главный вызов постмодернизма истории направлен ее представлению об исторической реальности, поскольку размывается граница между фактом и вымыслом в источнике. Рассматривая язык не как средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение, постмодернизм требует от историка пристальнее вглядываться в тексты. Трактую текст как знаковый код, как условное обозначение предмета, предполагающее множество толкований, постмодернизм должен быть внимателен к дешифровке текста и способам передачи информации. Историк переводит свои впечатления в слова, читатель переведет слова историка в образы.

Исключительная роль, которой постмодернисты наделяют препарирование текста, связана с особым пониманием ими соотношения мира языка и внеязыковой реальности. Приоритет отдан анализу отношения между мышлением и языком. Такой подход помогает историкам осознать, как прошлое отражается в письменных источниках и каковы представления о прошлом в исторических исследованиях. Постмодернисты считают, что источник – это не окно в прошлое, не только хранилище документальной информации. Источник – это текст, созданный в определенной смысловой системе, нередко далекой от однозначности и бесспорности. Постмодернисты настаивают на том, что прошлое сконструировано самими историками, что исторические тексты содержат в себе социальный мир и сами являются его порождением: нет ничего вне текста.

Согласно постмодернистской концепции истории, ее цель заключается не в интеграции и не в синтезе, а в выявлении исторических деталей. История перестает быть реконструкцией того, что происходило с человечеством, она становится вечно продолжающейся игрой с памятью об этом. Осмысление получает приоритет по отношению к реконструкции или поиску генезиса. В итоге стирается грань между искусством, гуманитарными науками и социальным исследованием. По мнению Л.Ньюмана, постмодернизм уходит корнями в философию экзистенциализма, нигилизма и анархизма, в идеи Хайдеггера, Ницше, Сартра. Рассматривая познание как нечто уникальное, присущее единичному человеку, постмодернисты отрицают истину как цель познания, полагая, что поиск истины связан с порядком, правилами и ценностями, сковывающими разум.

На мой взгляд, постмодернистский отказ от претензии на истину не означает отказа от претензии на научность, ибо наука – это поиск и нахождение нового, не более того. Поэтому снимается основной упрек в адрес постмодернизма. Но все же неоднозначность интерпретации не означает произвола. Субъективность историка в его суждениях о прошлом подчинена нормам исторического ремесла и ограничена контролем со стороны научного сообщества.

Проникновение постмодернизма в историю привело к существенным сдвигам в современной историографии. Нацелив историка на поиск тех редких мгновений прошлого, которые сохранились в обрывочных и редких источниках, постмодернизм заставил историка перенести научные интересы из сферы макроисторических структур в область микроисторических ситуаций и повседневных отношений. Микроистория позволила значительно увеличить число «параметров» человеческого поведения, анализируемого исследователями. Уменьшив масштаб анализа, историк получил возможность более конкретно рассказать о поведении своих объектов. Обращение к микроистории нельзя считать следствием прямого воздействия постмодернизма. В постмодернистской парадигме историческое повествование почти полностью заполняется рефлексией познающего субъекта, а в поле зрения микроисторика оказывается и сам познаваемый субъект.

По мнению итальянского микроисторика К. Гинзбурга, первым слово «микроистория» использовал американский ученый Джордж Р. Стюарт в 1959 году в книге о решающем сражении Гражданской войны в США. Он рассмотрел один эпизод сражения при Геттисберге, длившийся в реальном времени двадцать минут. Это была неудачная атака южан. Если бы она закончилась успехом, то всемирная история была бы иной. Независимо от Стюарта мексиканский исследователь Луис Гонсалес ввел слово «микроистория» в подзаголовок монографии, где проследил изменения в маленькой деревне на протяжении четырех столетий. Гонсалес настаивал на своем авторстве термина, не забывая упомянуть о том, что у Броделя микроистория была синонимом событийной истории. Теперь же она становится еще одной парадигмой кроме структурной, эволюционной и событийной.

В итальянских дискуссиях конца 70-х годов XX века о микроистории говорили как о некоей этикетке, наклеенной на историографическую шкатулку, которую предстоит наполнить. А в 80-е годы наблюдался всплеск интереса к микроистории, обусловленный поиском альтернативы макросоциологической теории, истощением эвристического потенциала макроисторической версии социальной истории и необходимостью ответить на постмодернистский вызов. Ответ заключался в том, что микроистория отвергала постмодернистское сведение истории к дискурсу. Так, в работах сторонников микроистории разных стран – Италии, Франции, Англии, США – гораздо сильнее, чем в трудах постмодернистов, ощущается интерес к антиномии частного и целого, единичного и массового, что ориентировало на поиск комбинаций микро- и макроанализа, т.е. на выход из «микрокосмического пространства локального социума на более высокие орбиты». Локальные исследования стали приобретать характер тотальных, не выходя за пределы микроуровня, о чем когда-то и мечтал Бродель. Построение социологических и антропологических моделей сетевого анализа личностных взаимодействий дало импульс развитию контекстуальной исторической биографии.

В Англии опубликованы десятки работ по политической истории до 1640 года, где прослеживается повседневное течение политических процессов, исследуются провинциальные и локальные институты, система управления и политическая жизнь на местах. Не без влияния постмодернизма отвергается жесткое противопоставление народной и элитарной политической культуры, выясняется политическая составляющая проблемы соотношения локального и национального.

Наиболее заметно ключевая методологическая проблема соотношения микро- и макроанализа ставится в истории индивида, в истории личности. Это обнаруживается при соединении микроподхода с персональной историей, при изучении творческой лаборатории историков, а также в автоисториографическом жанре. Изучение биографий позволяет иначе измерить исторический процесс, дать многоуровневое видение социокультурного пространства. Один и тот же объект может стать предметом и макро-, и микроисторического анализа, формулирование цели исследования зависит от позиции наблюдателя и от его теоретической платформы. Микроистория – это одна из форм

конкретно-исторического анализа внутреннего мира человека и мотивов его поведения. Только с помощью микроанализа можно понять, как конкретные персонажи реализовывали возможности общественного развития. Каким образом и почему они выбирали формы повседневных связей и интересов.

Историки школы «Анналов» утверждали, что реинтеграция низших классов в историю происходит только «количественно и анонимно» через демографические и социологические изыскания. Низшие классы, по их мнению, обречены оставаться «немыми». Представители микроистории с этим не согласны: «если источники представляют нам возможность воссоздать не только безликую массу, но и личность отдельных индивидов, то отказываться от этого было бы абсурдным». Опасность скатиться до уровня забавного исторического анекдота не кажется им неизбежной. В работе «Сыр и черви» К. Гинзбург не ограничивался реконструкцией истории индивида. Он полагал, что лакуны и искажения в документах должны превратиться в часть рассказа. Историк не может, подобно Л. Толстому, преодолевать пропасть между фрагментарными или искаженными следами события и самим событием с помощью воображения. Постмодернистские фрески, посредством которых передается иллюзия исчезнувшей реальности, находятся за границами исторической профессии. В этом состоит существенное отличие микроисторического подхода от постмодернистского, признаваемое прежде всего итальянскими адептами микроистории, хотя, например, Ф. Анкерсмит совсем не против понимания микроистории постмодернистски, т.е. как изучения мельчайших фрагментов прошлого изолированно друг от друга, независимо от контекста.

К. Гинзбург, напротив, видит специфику микроистории в установке на познавательность. Биографические исследования доказывают, что в заурядном, ничем не знаменитом человеке (и именно потому репрезентативном) можно, как в микрокосме, найти черты, характерные для целого социального слоя в определенный исторический период – будь то австрийская знать либо английский низший клир XVII века. Уверенный в том, что человек не может «выскочить» из культуры своего класса и своего времени, не впад в безумие или в полную самоизоляцию, Гинзбург пытается преодолеть как «внеклассовое» представление о культуре (связанное с понятием «ментальность»), так и «классовое» (так называемая «народная культура»). Он выдвигает идею «подчиненных», или множественных, культур, отбросив идиллическое и ложное представление о ментальности, общей для Ю. Цезаря и последнего солдата его легионов.

Итальянские микроисторики, ориентируясь в своих исследованиях на контекст, подошли к проблеме сравнения не через аналогию, как в традиционных исторических работах, а через аномалию. Потенциально более значимыми являются самые невероятные документы, сообщающие о «нормальном исключении». Частный случай, который необычайно индивидуален, трудно подвести под определенные правила и нормы. С учетом специфики контекста при микроисторическом подходе используются косвенные свидетельства, симптомы и приметы. Внимание к «нормальному исключению» связано с необходимостью учитывать непоследовательность нормативных систем, их фрагментарность и противоречивость, которые в состоянии сделать подвижной и открытой любую систему (за исключением тоталитарных). Изменения в обществе происходят благодаря выбору огромного числа «маленьких людей», а не только по милости их просвещенных и реформистски настроенных начальников или же одиозных диктаторов.

Микроистория не жертвует познанием индивидуального ради обобщения: в центре ее интересов остаются поступки людей или единичные события. При этом микроисторики не склонны отрицать возможность абстрактных заключений поскольку выявление малозаметных признаков или отдельных казусов может содействовать выявлению более общих феноменов. Именно такая позиция и была названа вниманием к нормальному исключению. Микроисториков не устраивает и альтернатива принесения в жертву

индивидуального ради обобщения или преклонения перед неповторимостью индивидуального. Такой выбор неконструктивен, необходимо такое познание индивидуального, которое бы не позволяло отбросить его как нечто несущественное. Сосредоточив внимание на поведенческих типах, микроисторики обогатили социальный анализ, увеличили число его переменных.

С помощью традиционных источников и подходов зачастую невозможно обосновать повседневные поступки и мысли человека, его сомнения и колебания. Характер личности формируется под противоречивым воздействием. Микроистория стремится разрушить иллюзию цельности, непротиворечивости личности, показывая, что стиль эпохи, будучи следствием коллективного опыта людей, сочетается со стилем поведения какой-либо группы и дифференцируется в пространстве свободы отдельного индивида. Именно поэтому микроистория не является ни научной школой, ни автономной дисциплиной, она неотделима от практики историков и порождена определенным состоянием социальной истории. Изменив масштаб анализа, микроистория дистанцировалась от общепризнанной модели социальной истории, однако предпочтение индивидуального не означало оппозицию социальному, напротив, была поставлена цель – найти иной способ подхода к социальному, через частную судьбу. За этой судьбой проступает все единство пространства и времени, т.е. микроисторический подход обогатил социальный анализ, обеспечив многообразие его вариантов.

Некоторые микроисторики отказываются от обычной манеры письма и прибегают к иной технике повествования. Работа Гинзбурга «Сыр и черви» написана в форме отчета о судебном расследовании, книга о пьемонтской армии XVIII века создана по модели японского «Расёмона», когда один и тот же эпизод описан в трех разных рассказах. Поиски формы имеют не столько эстетический, сколько эвристический смысл. Читатель приглашен к конструированию объекта исследования и приобщен к его толкованию. Способ изображения помогает познанию и открывает новые возможности восприятия самого исторического сочинения.

Критическое отношение к микроистории позволяет различать два варианта микроисторического дискурса: интерпре-тацию-нарратив и интерпретацию-микромодель. При этом первый вариант приветствуется, второй вызывает сомнения профессионального характера. Чтобы не допускать упрощения сложных проблем, микроисторик должен принимать во внимание глубинные взаимосвязи феноменов, создавшие тот или иной исключительный случай – казус. Одни понимают казус как данность, другие - как методику вычленения объекта исследования. И в том и в другом случае микроисторический анализ особенно эффективен при наличии богатой историографической традиции, когда возникает определенная перегруженность стереотипами. Именно тогда исследование казуса позволяет расставить новые акценты и найти нюансы, способные изменить стереотипное восприятие данного феномена. Кроме того, микроанализ более «сходен с черчением, где задан масштаб, правила изображения, чем с живописной импровизацией... казус можно считать как бы проекцией на плоскость объемной фигуры исторического явления».

Микроанализ особенно плодотворен при изучении переломных эпох. Индивиды, живущие в такие эпохи, получают больше возможностей для проявления индивидуальных качеств личности, тем более, если они плохо вписываются в рамки традиционного мировосприятия и стиля жизни. Ценности и жизненные позиции таких персонажей меняют старое сознание и подготавливают элементы нового общества. В микроистории можно выделить несколько направлений, таких как локальная история, микроисторическая интерпретация эпизода, персональная история и др. Персональная история не решает социальных проблем, будучи склонна к анализу экзистенциальных проблем, что сближает ее с психоисторией.

Иногда микроисторию именуют историей повседневности, так как она дает возможность понять культурную ментальность длительных исторических этапов и этику

повседневного поведения. Подобная методология позволяет историку приблизиться к людям минувших времен и понять механизмы их воздействия на ход исторического процесса. Элементы микроистории перестали третироваться как мелкотемье. Микроистория и макроистория воспринимаются не столько в конкурирующих, сколько в коррелятивных отношениях, т.е. в отношениях взаимообусловленности. Поскольку единичные явления иногда более показательны, чем повторяющиеся, против микроистории бессмысленно возражать. А вот постмодернистская методология, которой отчасти и вдохновлялась микроистория, встречает очень серьезные возражения. Так, А.Я. Гуревич обратил внимание на то, что в обстановке роста национализма возникают или возрождаются всякого рода псевдоисторические мифы и измышления. По его мнению, интеллектуально безответственные гуманитарии «расшатывают» понятие исторической истины, общество утрачивает историческую память. Постмодернистское безразличие к истине разрушает основы исторической науки. Гуревича беспокоила настойчиво повторяемая историками мысль об изобретении собственного предмета. Он полагал, что упор на риторические приемы заслоняет контуры прошлого, делает их расплывчатыми. В то же время Гуревич почти благодарен постмодернистам за то, что именно они подчеркнули своеобразную «непрозрачность» исторического источника, указали на необходимость анализа его «иррационального остатка». Иначе говоря, «постмодернизм сослужил историкам добрую службу, несмотря на перехлесты».

Постмодернизм заставил историка более усердно и последовательно обращаться к саморефлексии, самокритике и самоиронии, вынудил поставить знаки вопроса там, где раньше стояли утвердительные точки или ликующие восклицательные знаки. Тем не менее критика постмодернизма не прекращается. По словам профессора экономической истории Миланского университета Дж. Сапелли, для постмодернизма характерна болезнь бесплодия. Возражая против постмодернистского намерения свести всю действительность к тексту и языку, он напоминает, что текст и язык – лишь инструменты анализа реальности, которую нельзя исчерпать научным дискурсом.

Многие историки встретили «наступление постмодернистов» в штывы, увидели в нем угрозу социальному престижу исторического образования и статусу истории как науки. Британский историк Р.Эванс объявил поход против постмодерна в историографии. Его коллега, профессор Открытого университета Великобритании А. Марвик, заявил, что метаистория – это вздор, раздражающий его профессиональное достоинство. Он назвал постмодернизм «опасной и вредной формой мышления», современной фазой «метафизического подхода» XIX века, когда история и литература не были отделены друг от друга. По мнению А. Марвика, постмодернизм – это «гремучая смесь гегельянства, марксизма и ницшеанства».

Отметив важность конструктивной критики постмодернизма, руководитель Научного центра теоретических исследований Института всеобщей истории РАН В.Л. Мальков назвал его «ненормативной историографией». Он полагал, что постмодернисты породили «изрядную энергию заблуждений», превратили историографию в поле для импровизаций, в эстетическую игру. Мальков обвинил постмодернизм в разрушительном воздействии на попытки воссоздания целостной картины истории, в отказе от диалога, способного определить макроисторическую перспективу.

Умберто Эко писал, что в музыке постмодернистские установки «ведут от атональности к шуму, а затем к абсолютной тишине». К чему ведут постмодернистские поиски в историографии, покажет время. И все же «ученый как творческая личность вправе ориентироваться на любые удобные ему образцы и выбирать те сферы, методы и способы исследования (творчества), которые ему по душе, которые соответствуют его психологическим, нравственным, творческим особенностям, его опыту и образованию». Трудно не согласиться с этим мнением российского историка А.А. Сванидзе, включая те оговорки, которые она делает, подчеркивая, что критерием выбора неплохо бы иметь «научно аргументированные итоги и нравственную безупречность».

Большая подборка статей в «Американском историческом обозрении» была пронизана сочувствием к постмодернистским идеям. Особенное внимание авторы уделили тому факту, что постмодернизм утверждает открытость исторического познания, освобождает его от догматизма. Именно с этим связана возможность радикального обновления исторической дисциплины. Постмодернизм вызвал «лингвистический поворот» в исторической науке и тем самым повлиял на язык историков, далеких от стилистики и проблематики постмодернизма. А что касается его опасностей, то они явно преувеличены. Не случайно число работ, выполненных в постмодернистском ключе, совершенно незначительно. Так, на кафедре новой и новейшей истории Пермского университета была написана только одна диссертация, стиль и метод которой отвечает духу постмодернистского подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. [Текст]. – М.: РГГУ, Институт всеобщей истории РАН, 1996. – 255 с. – ISBN5-201-00468-7.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство:Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

Тема 5

Эмпирический и теоретический уровни научного познания в истории

Получение достоверного знания о прошлом является сложной задачей, что очевидно из характеристики исторического сознания. Однако это далеко не единственное препятствие на пути к исторической истине. Что же еще мешает нам постигать прошлое? По каким причинам наши субъективные исторические представления часто искажают прошлую социальную реальность? Ответив на эти вопросы, мы сможем понять: что такое историческая наука и каким образом она пытается решить данную проблему.

Первой объективной трудностью исторического познания выступает принципиальная невозможность полной реконструкции (воспроизведения) в нашем сознании всего содержания исторического процесса. Иначе говоря, в распоряжении историка находится информация, которая лишь частично представляет прошлое.

Это связано, во-первых, с тем, что основная часть человеческой истории (по оценкам ученых, человечество существует от 200 тыс. до 4 миллионов лет) не оставила нам сколько-нибудь ясных и полных свидетельств об эволюции человечества. Письменные источники, на которых во многом и основывается историческая наука, появились около 4 тыс. лет назад, да и то лишь в локальных зонах древних цивилизаций, которые отнюдь не представляли человечество в целом. Таким образом, чем дальше в глубь веков, тем меньшее количество достоверных источников. К примеру, не известно ни одной подлинной русской рукописи, датируемой ранее IX века. Вторая половина этого века нашей истории оставила всего 7 подлинных рукописей, XII век – 8, XIII век – 20 рукописей.

Во-вторых, реальный исторический процесс на любом своем этапе состоит из огромного количества событий и действующих лиц. Поэтому всю информацию об историческом процессе мы не в состоянии «переварить», систематизировать и проанализировать даже с помощью самого мощного компьютера. На эту трудность указывал еще древнегреческий поэт и историк Гомер в «Илиаде», где описываются события Троянской войны (война коалиции ахейских царей во главе с Агамемноном против Трои – ок. 1260 г. до н.э.):

В-третьих, искажение исторического прошлого в нашем сознании связано с тем, что мы не являемся современниками, тем более непосредственными участниками подавляющего большинства исторических событий, следовательно, получаем информацию об истории из «вторых и третьих рук», т.е. через посредников – мемуаристов, исторических беллетристов, ученых-историков и т.д. Естественно, что эта информация неизбежно искажается как неполными познаниями посредников, так и их домыслами, симпатиями и предпочтениями. Так, по убеждению одних историков (норманистов), основателями Древнерусского государства являются норманны, а по мнению других (антинорманистов) – славянские племена. Историки прокоммунистической идеологической ориентации главными виновниками социального кризиса в России нач. 1990-х гг. считают демократов-реформаторов. Наоборот обществоведы либерального направления убеждают в том, что к застою и кризису Россию привели коммунистический режим и его командно-административная социально-экономическая система. Причем и те, и другие приводят в защиту своей позиции множество реальных исторических фактов, которые, правда, подобраны соответствующим образом.

В-четвертых, правильному пониманию и оценке исторических событий, смысла деятельности исторических личностей и масс могут препятствовать и различия в менталитете представителей прошлых эпох и современников (менталитет – понятие, обозначающее оригинальный способ мышления, склада ума, умонастроений; особая модель мировоззренческого, морально-этического, эстетического и ценностного

отношения к действительности). Отечественный философ А.Я. Гуревич следующим образом охарактеризовал роль исторического менталитета: «Хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений перерабатывается сознанием в более или менее упорядоченную картину мира, и это мировидение налагает неизгладимый отпечаток на все поведение человека.

Дело в том, что вольно или невольно мы оцениваем события прошлого, действия тех или иных исторических персоналий с позиций современных норм и ценностей, в контексте современного менталитета, не вникая в нормативный и ценностный контекст ушедших эпох, специфику их менталитета. Так, диктаторские методы борьбы за власть, которые широко использовали большевики (напомним в связи с этим ленинский лозунг: «Революция опирается не на закон, а на насилие»), с точки зрения современных демократических норм и ценностей, представляются сугубо негативными. Но если мы учтем историческую специфику России революционного и послереволюционного периода (гражданская война, интервенция, разруха, доминирование безграмотного крестьянства в составе населения, «белый» террор и т.д.), то поймем, что сугубо демократическими способами спасти страну от хаоса, от национальной катастрофы было невозможно. В частности, это доказывает печальный опыт Временного правительства. Во многом по этой причине и сейчас наблюдается конфликт «отцов и детей» в оценках социалистического прошлого нашей страны, когда представители старших поколений, воспитанные на социалистических идеалах и ценностях зачастую идеализируют советский строй. Молодые же, напротив, склонны считать его антигуманным, несправедливым.

К перечисленным трудностям исторического познания добавим еще и преднамеренные идеологические искажения исторической правды, о которых мы говорили при рассмотрении предыдущего вопроса темы.

Поэтому адекватное познание истории не является легкой задачей и требует специального научного подхода и обоснования. В широком смысле научное познание – это особый вид человеческой деятельности, целью которого является получение новых знаний, их верификация (проверка на истинность), а также разработка технологий применения этих знаний (прикладная наука) для решения разнообразных практических задач, стоящих перед обществом. Научное исследование характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью, точностью, системностью. Оно включает в себя: постановку задачи, определение условий и методов ее решения, формулировку исходных гипотез, анализ и обобщение полученных результатов, проверку гипотез, формулирование утверждений). По определению В.О. Ключевского, главной задачей исторической науки является достоверное воспроизведение исторического процесса, т.е. хода, условий и успехов человеческого общежития или жизни человечества в ее развитии и результатах.

Философские и методологические основания исторического познания более подробно будут рассматриваться в курсе «Философия». Здесь же мы охарактеризуем главные принципы и методы, на основе которых формируется научный уровень исторического сознания.

Важнейшим научным принципом является принцип объективности, когда приоритетной целью и ценностью научной деятельности является историческая истина – знание, максимально полно отражающее историческую объективную реальность и максимально свободное от влияния личных и социальных предпочтений и интересов исследователя. По мнению видного российского историка А.Н. Сахарова, «история – это самая жестокая из всех наук и именно потому, что она способна сказать нам правду о нас самих, о нашем прошлом и будущем. Общество, как и отдельная личность, увы, с трудом переносит правду о себе». Поэтому зачастую объективное историческое знание подменяется мифотворчеством, прямой фальсификацией, искусственными стереотипами, создающими благостную картину прошлого, призванную «улучшить» национальное

самосознание и повысить социальный оптимизм. Неприемлемость искажения истории даже в самых лучших намерениях обосновывал еще Н.М. Карамзин

Каким же образом историческая наука может обеспечивать соблюдение принципа объективности, т.е. получения достоверных знаний о прошлом?

Известно, что объективное знание, помимо всего прочего, должно быть полным, отражать возможно большее число признаков и проявлений объекта познания. Но как же обеспечить данное требование применительно к бесконечно обширному объему исторической информации? Очевидно, что исчерпывающее решение данной проблемы невозможно. Однако историк должен уметь выделять из потока событий те которые, во-первых, представлены достоверно (т.е. научно верифицированы, обрели статус объективной истины), во-вторых, являются атрибутивными (т.е. выражают существенно качественное своеобразие определенной эпохи, периода, культуры и т.д.), в-третьих, определяют тренды – ведущие тенденции дальнейшего исторического развития, причинно-следственную связь прошлого, настоящего и будущего. Такие события, преобразованные в научно-познавательный образ (А.Я. Гуревич), мы будем называть историческими фактами. Отечественный философ А. Флиер писал в этой связи: «Я включаю в понятие «общественная история» далеко не все события, реально имевшие место в жизни человечества. В свое понимание истории я включаю лишь те события, которые привели к общественно значимым последствиям (при весьма условных, лишь интуитивно определяемых критериях этой значимости)... Обретение этого общественно значимого содержания той или иной формой социального бытия может быть связано как с масштабами ее распространения (т.е. с превращением ее в упомянутую выше норму или стандарт деятельности), так и (в случае с уникальным произведением искусства или науки) с их воздействием на общественное сознание». Но, поскольку полное воспроизведение какого-либо фрагмента прошлого или перечисление всех причин данного исторического явления и процесса невозможны, все это будет еще только гипотеза о целом и его «наиважнейших» частях, но вместе с тем явится шагом вперед в исследовании по сравнению с произвольным описанием событий или интерпретацией, апеллирующей к обыденному опыту.

Наряду с обращением к историческим фактам принцип объективности может обеспечиваться максимально широкой и достоверной источниковой базой исследования. Исторический источник – это любой сформированный в прошлом и не искаженный последующим воздействием и толкованием носитель достоверной информации о прошлой социальной реальности. Иначе говоря, это не искаженный «слепок прошлого». В исторической науке выделяются четыре основных типа источников: письменные, вещественные, изобразительные (изобразительно-графические, изобразительно-художественные, изобразительно-натуральные) и фонетические. Например, для российской истории самыми многочисленными и важными считаются письменные источники – изданные в разное время сборники законов, разнообразные княжеские грамоты, договоры, документы о сделках (акты) и т.п. К письменным источникам относят также исторические повествования, которые специально создавались для рассказа о каком-то явлении или событии, – летописи, исторические повести, описания путешествий, жития святых и многое другое.

К вещественным источникам-памятникам относят орудия труда, оружие, остатки жилых, производственных, оборонительных строений, ремесленные изделия, украшения и т.п. Их изучением занимается специальная наука археология. В ее задачи входит определение территории проживания тех или иных племен, народов. По способам строительства жилищ, особенностям керамики и характерным чертам погребений ученые-археологи выделяют особые археологические культуры, характер их взаимодействия. Незаменимую роль играет археология при изучении периодов истории, когда человечество еще не имело письменности.

Существенно дополняют источниковую базу исторической науки так называемые вспомогательные дисциплины: ономастика (изучение и толкование имен собственных), топонимика (наука о географических названиях), геральдика (наука о гербах), сфрагистика (наука о печатях), метрология (наука о мерах веса, длины, объема и площади), хронология (наука о системах исчисления времени), нумизматика (наука, занимающаяся изучением монет и других денежных знаков) и т.д.

Изобразительные источники (картины, схемы, чертежи, географические карты) позволяют получить информацию о прошлых событиях с помощью изобразительных образов, созданных современниками этих событий.

С конца XIX века, по мере развития звукозаписывающей техники и кинематографа, все большее значение приобретают аудио- и видеоисточники – записи выступлений политиков, деятелей наук и культуры, военачальников, а также богатейшие фонды документальной кинохроники.

Научная результативность исторического познания, его объективность обеспечиваются также широкой историографической базой. Термин «историография» имеет несколько значений:

- 1) само описание истории;
- 2) совокупность исторических исследований, посвященных определенной эпохе, теме проблеме, гипотезе;
- 3) история развития самой исторической науки (

Представители различных исторических школ, как правило, оперируют различной исторической информацией. Следовательно, их воззрения неизбежно односторонни. Более того, не только политики, но и историки имеют свои субъективные предпочтения и интересы, что также зачастую порождает тенденциозность и необъективность их исторических трактовок. Поэтому наиболее объективное и достоверное историческое знание мы можем получить, изучив и сравнив как можно большее число исследований представителей различных исторических школ, политических и идеологических течений, что и создает надежную историографическую базу исторического познания. Например, объективные представления и оценка такого события, как гражданская война в послереволюционной России, возможны, если в ее основе лежит сопоставление позиций и «красных», и «белых». Точно так же реальные предпосылки и перспективы нынешних реформ в нашем обществе могут быть объективно оценены через сопоставление позиций самых различных политических сил – от «левых» до «правых».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. [Текст]. – М.: РГГУ, Институт всеобщей истории РАН, 1996. – 255 с. – ISBN5-201-00468-7.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство:Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

Тема 6

Объект, субъект и предмет научного исследования в истории

Любое научное исследование должно обязательно начинаться с постановки проблемы. Проблемами (от греческого *probleme* – задача, задание) называют важные в практическом или теоретическом отношении задачи, способы решения которых неизвестны или известны не полностью. Правила постановки научной проблемы можно считать одним из основных методов научного исследования.

Различают проблемы двух видов: неразвитые и развитые.

Неразвитая проблема – это задача, которая характеризуется следующими чертами:

Во-первых, это нестандартная задача, то есть задача, для решения которой нет алгоритма (алгоритм неизвестен или даже невозможен).

Во-вторых, это задача, которая возникла на базе определенного знания (теории, концепции и так далее), то есть задача, которая возникла как закономерный результат процесса познания. Таким образом, проблема – это знание о некотором незнании.

В-третьих, это задача, решение которой направлено на устранение противоречия, возникшего в познании: противоречия между отдельными положениями теории или концепции, положениями концепции и фактами, положениями теории и более фундаментальными теориями, между кажущейся завершенностью теории и наличием фактов, которые теория не может объяснить.

В-четвёртых, это задача, решение которой направлено на устранение несоответствия между потребностями познания и наличием средств, для их удовлетворения, то есть это задача, путей решения которой не видно.

Задача, которая характеризуется тремя первыми из указанных выше черт, но не содержит четвёртой, а также содержит более или менее конкретные указания на пути решения, называется развитой проблемой.

Формулировка проблемы включает в себя, как правило, три части:

Система исходных утверждений (описание исходного знания - того, что дано до начала исследования). На этом этапе определяются объект и предмет исследования. *Объект исторического исследования* – это определённая часть исторической действительности, то есть, объект исторического исследования – это любое явление исторического прошлого, информация о котором сохранилась в исторических источниках и подвергается изучению с помощью научных методов. При определении объекта исторического исследования обязательно должны быть указаны хронологические и пространственные рамки этого объекта. *Предмет исследования* – это свойства, стороны, отношения и процессы в объекте исследования, выделяемые исследователем для целенаправленного изучения. Название или тема научной работы формулируются чаще всего как обобщённое и краткое указание на предмет исследования. Предварительная формулировка объекта и предмета исследования необходима для чёткого обозначения пределов и направления исследования. Предмет исследования корректнее всего указывать именами существительными, а не другими частями речи. Предмет исследования, также как и его результат не должен формулироваться в виде указания на процесс. Например, предметом или результатом исследования не может быть «поиск» или «анализ» чего-либо. Поиском и анализом – могут быть цели и задачи, с которыми мы подходим к объекту и предмету.

Если исследование содержит сведения, не относящиеся прямо и непосредственно к его предмету, то текст становится «раздутым» и многословным, при этом сам предмет исследования может остаться нераскрытым в полной мере. Здесь стоит отметить, что если объект изучения всегда неисчерпаем, то предмет как раз для того и выделяется, что бы до конца этот предмет изучить, насколько это возможно на текущем уровне развития науки и при имеющемся комплексе исторических источников.

Раскрытие предмета исторического исследования может предусматривать обращение к смежным наукам и смежным объектам. Однако это не означает, что предмет шире объекта. Обращение историка к теориям и объектам неисторических наук, обращение историка изучающего, например, события в России к аналогиям из античной истории, не означает включение всего этого в предмет его исторического исследования. Это означает лишь то, что другие науки или другие исторические события содержат какие-то общие с интересующим историка предметом исследования закономерности. Эти закономерности и будут частью предмета исследования, а обращение к разным наукам – это путь поиска этих закономерностей.

В каждом объекте исторического исследования пересекаются множество сфер исторического процесса, однако один историк не в состоянии охватить и в полной мере показать взаимодействие всех этих сфер. Историк вынужден ограничить свой предмет исследования только некоторыми сегментами этих сфер. В общем виде определение предмета исследования методом изолирующего абстрагирования показано на рис. 2. На этом рисунке обозначены, конечно, только наиболее обобщающие сферы исторического процесса. К ним можно добавить множество других, а сами указанные сферы, в свою очередь, при определении предмета исследования будут делиться на более конкретные и менее масштабные сферы общественной жизни.

Желательно, чтобы любая графическая символическая схема сопровождалась правилами чтения. Обычно эти правила считаются очевидными, а схема понимается интуитивно, однако нередко наглядность и информативность схемы не реализуются именно из-за отсутствия правил перевода символики графических элементов (размера, формы, взаимного расположения и окраски фигур, линий и стрелок) на естественный литературный язык повествования. Не всегда каждый графический элемент может нести ценную смысловую нагрузку для описываемого всей схемой явления, но к этому следует стремиться. По крайней мере, главные визуальные символы на схеме должны быть интерпретированы. В качестве примера интерпретируем символику на рис. 2. Стрелки здесь – простые указатели; несоприкосновение между сегментами и наличие пустого пространства между ними, символизируют то, что указаны далеко не все сферы жизни общества и, наряду с ними, можно указать ещё множество других сфер; разный размер сегментов символизирует, что информация известная или сохранившаяся о каждой из сфер всегда неодинакова по своему объёму. В принципе, можно придумать и другие символические интерпретации, несущие историко-методологический смысл. В данном случае в этом нет необходимости. Здесь было важно призвать к сознательному и ответственному отношению к начертанию разного рода схем.

Помимо объекта и предмета, описание исходного знания включает в себя рассмотрение степени изученности проблемы в современной науке, достижений других исследователей, то есть – краткую историографию проблемы. Это рассмотрение даёт возможность обосновать *новизну* собственного исследования.

Вопрос или побуждение (“Как установить?”, “Как найти?” и т.п.) и выявление противоречий в уже имеющемся знании. Эта главная часть в формулировке проблемы. Если отсутствуют вопросы и противоречия – отсутствует проблема. Наличие противоречий в познании вызвано, во-первых, неизбежностью разных интерпретаций одних и тех же фактов с помощью несовместимых друг с другом теорий, во-вторых, невозможностью в рамках одной теории и одного исследования отразить и охватить всю неисчерпаемость и все взаимодействия исторической действительности. Специфика понятия «исторический факт» в том, что существуют факты, конструируемые на основе сведений о прошлом самим исследователем, а есть факты на которые непосредственно указывают тексты исторических источников.

Указания на возможные пути решения или констатация их отсутствия в неразвитой проблеме. На этом этапе формулируются общие цели исследования и конкретные задачи, выполнение которых необходимо для достижения этих целей. Цель отражает главные

обобщающие вопросы и приоритетный интерес историка в его предмете исследования. При формулировке задач показывается, то, какими методами, как именно и какие именно источники будут изучаться, и как при этом можно найти ответы на поставленные в научной проблеме вопросы. Здесь важно не упустить именно те задачи, без решения которых невозможно раскрыть предмет исследования и ответить поставленные вопросы. Формулировки целей и задач обычно начинаются с глаголов «создать», «найти», «определить», «раскрыть», «показать» «выявить» и т. п.

В квалификационных научных исследованиях (диссертациях) требования к чёткой и единообразной форме постановки научной проблемы достаточно строгие, их несоблюдение – показатель интеллектуальной незрелости и некомпетентности. Если исследователь не обладает навыком правильной постановки проблемы, то текст его исследования получится недостаточно ясным и «рыхлым», а выводы – уязвимыми для опровержения. В исторических трудах, рассчитанных на массового читателя, приведённые выше этапы постановки проблемы могут быть не сконцентрированы в одном месте, а разбросаны по всему тексту работы, и их правильная последовательность может не соблюдаться без ущерба для качества текста, цель которого – обучение или развлечение.

В ходе решения исследовательских задач, основная проблема исследования разворачивается в *проблематику* – сплетение, комплекс более мелких проблем, неразрывно связанных с основной проблемой. Проблематику – можно представить, как иерархию вопросов и ответов: один вопрос порождает при поиске ответа на него множество новых вопросов, а те в свою очередь приводят к ещё более мелким вопросам, необходимым в конечном итоге для выведения главного ответа. От правильного построения вышеуказанной иерархии вопросов напрямую зависят результаты всего исследования. По этому поводу существует афоризм: «правильно заданный вопрос – это уже половина ответа».

Увеличение знаний, увеличивает незнание, точнее знание о том, что ещё не познано. Поэтому важна не только верная поставка основной исходной проблемы исследования и правильные ответы на поставленные в ней вопросы. Научно значимым результатом исследования будет также постановка новых проблем, которые обязательно содержаться в сделанных выводах. Если путь поиска ответов на новые итоговые вопросы неясен, то эти вопросы станут неразвитой проблемой, если же такой путь в общих чертах ясен заранее, то такие вопросы станут поводом для дальнейших исследований.

Исходное знание, явно или неявно содержащееся в вопросе, называется его предпосылкой. Например, предпосылкой вопроса - "Был ли царевич Дмитрий – сын Ивана IV убит по заказу Бориса Годунова?" являются следующие утверждения: «Иван IV имел сына», «сын Ивана IV был убит», «Борис Годунов имел мотивы и возможности для организации этого убийства», «однозначных и достоверных сведений о причастности Бориса Годунова к этому убийству нет».

Предпосылки обуславливают множество возможных ответов на вопрос. Уловка, связанная с предпосылками вопросов, имеет название «*подмена вопроса*» - заданный вопрос заменяют другим или же ответ на один вопрос выдают за ответ на другой. Ответы, которые отвечают не на заданные вопросы, а на другие называют *нерелевантными* (от латинского *relevans* – соответствующий, существенный).

Постановка научной проблема должна содержать в себе логически корректные вопросы. Различают два вида логически некорректных вопросов: бессмысленные и провакационные. Бессмысленный вопрос выражается предложениями, содержащими неясные (неопределённые) слова или словосочетания. Причём неясные не только адресату вопроса, но и задающему вопрос. Могут возникать ситуации, когда задаются вопросы, являющиеся корректными, но воспринимаемые в качестве бессмысленных из-за того, что в их формулировках содержатся выражения, неизвестные данным лицам или данной аудитории, или неправильно понимаемые. В таких случаях нужно или пояснить

неизвестные, или неправильно понимаемые выражения, или заменить известными. Вопрос называется *провокационным*, если его предпосылкой является ложное утверждение. На такой вопрос нельзя дать истинного ответа.

Виды вопросов. Вопросы бывают *открытые* и *закрытые*. К открытым вопросам относятся те, на которые существует бесконечное число ответов. Открытыми являются вопросы, связанные с факторами, влияющими на сложные процессы. На закрытые вопросы можно дать лишь конечное число ответов, например, только "да" или "нет", или ответ на вопрос кто из ограниченного числа известных людей участвовал в каком-либо событии.

Виды ответов. На некоторые вопросы могут быть даны как сильные, так и слабые ответы. *Сильный* ответ полностью устраняет имеющуюся познавательную неопределенность, а *слабый* – не полностью. Например, на вопрос: «Кто является основателем науки логики?» – можно дать сильный ответ – «Аристотель» и слабые – «древнегреческий философ», «кто-то в древности».

Ответы бывают также *полными* и *неполными*. Последние иногда даются на сложные вопросы, то есть на вопросы, в которых можно выделить часть, в свою очередь являющуюся вопросом. Ответ на сложный вопрос является полным, если в нем содержатся ответы на все подвопросы этого сложного вопроса.

Проблема как процесс развития знания состоит из нескольких ступеней (этапов):

1. Формирование неразвитой проблемы;
2. Развитие проблемы - путем постепенной конкретизации способов ее разрешения;
3. Разрешение (или установление неразрешимости) проблемы.

Неразрешимость исторической проблемы может быть обусловлена либо отсутствием необходимой информации в исторических источниках, либо отсутствием необходимой методики извлечения информации из источника (например, невозможность расшифровать письменность некоторых исчезнувших цивилизаций).

При написании квалификационных исторических исследований (дипломных и диссертационных), а также в историографическом анализе значения работ историков для общества, указывается актуальность изучаемой проблемы, то есть то, в чём её важность, полезность и интересность для современности. Впрочем, в любом знании о прошлом достаточно глубокий взгляд может найти пользу для сегодняшнего дня и для любой ситуации, однако специальное указание на актуальность проблемы исследования никогда не станет лишним. Можно выделить следующие виды актуальности исторического исследования:

Научная актуальность – заполнение пробелов в знании о прошлом, обобщение и систематизация существующих знаний, пересмотр существующих интерпретаций фактов и источников.

Политико-идеологическая актуальность – оправдание или критика существующих политических режимов или конкретных решений, принимаемых этими режимами.

Образовательно-педагогическая актуальность – использование научной и политико-идеологической актуальности в переработке исторических текстов, предназначенных для массового читателя, и переработки учебных планов в учебных заведениях.

Практико-прикладная, коммерческая или производственно-хозяйственная актуальность. Например, использование историко-этнографических или краеведческих данных для развития местного туризма, разработка товаров и услуг с исторической символикой, восстановление забытых технологий и т.п.

Тема исследования может быть и лично мотивированной, то есть оформлять собственные жизненные смыслы ученого. Это создает дополнительные стимулы в познании прошлого, но одновременно порождает и новые проблемы, связанные с опасностью «самоотождествления» исследователя с объектом исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. [Текст]. – М.: РГГУ, Институт всеобщей истории РАН, 1996. – 255 с. – ISBN5-201-00468-7.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство:Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

Тема 7

Общенаучные методы и приемы исследования

Метод абстрагирования. Абстрагирование (от латинского *ab* – от *itraho* – тянуть, влечь) представляет собой всякое мысленное отвлечение от каких-то черт и свойств конкретных объектов и событий. Отвлекаться, в данном случае означает не принимать во внимание, игнорировать. «Абстрактное» является неизменным атрибутом и формой всякого научного познания. Это обусловлено тем, что в силу безграничного многообразия свойств реальности человек не может охватить и отразить отобразить природы и общественной жизни *всей* полностью, в ее непосредственной цельности. Он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира. Следовательно, «абстрактное» в научном познании – это относительно одностороннее, точнее говоря, неполное в плане конкретности знание. Главное требование к применению абстрагирования состоит в том, что всякая абстракция должна отражать, прежде всего, *существенные* свойства рассматриваемой реальности.

Определение степени существенности – всегда содержит в себе долю субъективности и долю объективности. Избежать субъективности в познании невозможно, так как вся информация из внешнего по отношению к познающему индивиду мира проходит через субъективность внутреннего мира этого индивида. Поэтому познание того, что И. Кант называл «вещью в себе» недоступно человеческому разуму. Исследователь должен стремиться понижать степень субъективности познания и повышать его объективность.

Сущность – это то общее, что объединяет внешне разные исторические явления. Похожие или связанные исторические явления – это различные вариации одной и той же внутренней сущности.

Например, абстрактное понятие революционер обозначает сущность, которая объединяет всех конкретных участников какого-либо революционного движения; абстрактное понятие диктатура обозначает сущность, которая объединяет конкретные государственные режимы в разных странах и в разное время.

В любом акте определения существенности содержатся две взаимозависимых компоненты: *логическая* и *оценочная*. При оценочном подходе существенным в предмете исследования считается то, что наиболее важно и интересно для исследователя по каким-то соображениям – научным, идеологическим, личным. Например, когда речь идет о причинно-следственных связях, то существенным становится то, что, по мнению исследователя, наиболее сильно повлияло на изучаемые исторические процессы.

Логическая компонента определения существенности заключается в том, что при исчезновении или исключении из рассмотрения существенных признаков объекта (или явления), этот объект перестает быть самим собой, то есть то, что до исчезновения существенных признаков считалось и называлось тем именем, которым принято называть интересующий нас объект, теперь так называться не может. Исчезновение или исключение из рассмотрения несущественных признаков к таким последствиям не ведет. Например, при изучении экономической истории, внешность исторического деятеля, в отличие от его убеждений, – это, чаще всего, несущественный признак, поэтому исключение описания внешности деятеля из исторического исследования в этом случае вряд ли может повлиять на корректность использования методов и правильность сделанных научных выводов. Хотя при изучении влияния личности на исторический процесс, внешность может играть существенную роль, например, небольшой рост Наполеона или красота Клеопатры. Ориентиром в определении существенности служит предмет исследования. Например, если изучается повседневный и материальный быт, то внешний вид и одежда – существенные свойства, если изучаются формы хозяйства, то внешний вид и одежда уже несущественные свойства. При этом стоит заметить, что несущественность обстоятельств и свойств не означает полное отсутствие их влияния на изучаемые явления (всё в обществе взаимосвязано), несущественность означает только

явную очень малую силу такого влияния. Хотя с развитием науки может оказаться так, что казавшееся раньше несущественным, будет считаться существенным. В исторической науке примером такой смены приоритетов может служить изучение гендерных отношений.

Методы индукции и дедукции. Индукция (от латинского *in-ductio* – выведение) – выведение абстрактных понятий из конкретных данных, восхождение от частного к общему, от конкретных исторических явлений к их теоретической сущности.

Дедукция (от латинского *de-ductio* – сведение) – сведение абстрактного понятия к конкретным фактам, нисхождение от общему к частному, от теоретической сущности исторических явлений к её конкретным проявлениям в историческом процессе. В практическом исследовании указанные способы абстрагирования тесно переплетены.

Любое понятие (обозначение исторических явлений или их сущности) содержит в себе и долю абстракции, и долю конкретности (см. рис. 3). Предельно абстрактные понятия называются категориями познания. Это такие категории как «бытие», «Вселенная», «число», «время», «пространство», «материя», «энергия», «движение», «закономерность», «возможность» и другие. Предельно конкретные понятия – это обозначения уникальных простейших объектов, изучение которых исследователь уже не может углублять. В физике, например, такими объектами станет наблюдаемая в приборы элементарная частица. В исторической науке такие объекты можно называть микрособытиями (подробнее об этом см. Главу 8). В качестве примера изменения уровня абстрагирования рассмотрим ряд взаимопересекающихся явлений от более абстрактного к более конкретному:

- 1) книги, написанные А.С.Пушкиным,
- 2) первое издание «Евгения Онегина»,
- 3) книга из первого издания «Евгения Онегина», с пометками А.С.Пушкина,
- 4) страница из этой книги с первой пометкой А.С.Пушкина,
- 5) внешний вид этой пометки,
- 6) отдельная графическая деталь этой пометки.

Соотношение в историческом исследовании абстракций и конкретики должно быть гармоничным. Если историк не конкретизирует свои абстракции, то, возможно, он использует «пустые множества», которые не содержат элементов, соответствующих конкретной исторической действительности. Избыток не разъяснённых абстракций превращает историческое исследование в беспочвенное философствование. В то же время, отсутствие абстрагирования в описании конкретно-исторических событий и объектов, отсутствие объяснений сущности этих объектов и объяснений их связей с другими событиями, станет не научным исследованием, а, либо коллекцией антиквариата, либо собранием исторических анекдотов, либо справочником. Такая роль абстрагирования обусловлена тем, что оно лежит в основе любого научного метода познания. В борьбе историка с неполнотой нашего знания или с заблуждениями относительно прошлого научные методы можно сравнить с оружием, а уже установленные конкретные исторические факты – с боеприпасами. Если исследователь не умеет пользоваться своим оружием – методами, то боеприпасы могут остаться мёртвым неиспользованным грузом, а оружие может не использоваться по назначению или расстреливать боеприпасы мимо цели (то есть мимо постановки и решения научной проблемы).

Восхождение от конкретного к абстрактному. Процесс абстрагирования при *восхождении от конкретного к абстрактному* может осуществляться различными способами. В исследовательско-прикладном отношении все эти способы можно свести к абстрагированию посредством *изолирующего отвлечения, отождествления и идеализации*.

1. При полном изолирующем отвлечении рассматриваются те или иные свойства объекта познания *как таковые*, вне связи с другими его свойствами и объектом как целым.

Полностью изолирующим абстрагированием станет, например, описание отдельных архитектурных элементов древних храмов (абстрагирование от конструкции храма в целом), описание истории архитектуры, в её технических аспектах вне связи с историей общества и историей искусства. Другой пример – изучение различных списков древнерусских летописей только с лингвистической, текстологической точки зрения, вне связи изменений содержания различных списков летописи с историей духовной культуры. Такой подход иногда необходим для установления подлинности или идентификации авторства исторического источника. Полностью изолирующее абстрагирование недостаточно полноценный метод исторического познания, так как в исторической действительности все явления тесно переплетены. Однако этот метод полезен на этапе сбора и систематизации информации для постановки проблемы.

2. Другим вариантом абстрагирования посредством отвлечения является раскрытие сущности объекта *как целого*, но на основе лишь определенной совокупности характеризующих объект признаков при отвлечении от других известных его черт. В итоге абстрагирования здесь происходит не просто формирование абстрактных понятий, отражающих отдельные свойства объекта, как в случае полностью изолирующего абстрагирования, а выявляются законы и тенденции функционирования и развития объекта как целого. Частично изолирующее абстрагирование используется, прежде всего, на этапе определения предмета исследования.

Частично-изолирующим абстрагированием являются, например, разновидности классового анализа. Понятие общественного класса определяется как характеристика социальных групп с точки зрения чётко ограниченного набора признаков, в связи с чем, понятие класса не исчерпывает основных общественных и исторических взаимосвязей, то есть абстрагируется от некоторых из них. В классовом анализе возможны разные способы формирования абстрактного понятия «общественный класс».

Английский экономист XVIII века А. Смит разделял общество на классы в зависимости от формы и источника дохода (три основных класса: землевладельцев, получающих ренту, рабочих, получающих заработную плату, и капиталистов, получающих прибыль с капитала). А. Смит считал главной движущей силой истории стремление классов к гармоничному сосуществованию.

Немецкие мыслители XIX века К. Маркс и Ф. Энгельс разделяли общество на классы в зависимости от собственности на средства производства и роли в организации общественной труда. К. Маркс и Ф. Энгельс считали главной движущей силой истории классовую борьбу.

Английский социолог XIX Г. Спенсер рассматривал классы по аналогии с органическим миром. Высшие слои осуществляют контроль и регулирование, низшие – обрабатывают продукты и создают товары, а средние (торговцы) – выступают посредниками между ними.

Немецкий марксист начала XX века К. Каутский полагал, что основными признаками деления людей на классы являются величина дохода (независимо от его источника) и различные пути распределения доходов.

3. Иной характер имеет абстрагирование посредством отождествления нетождественного. Отождествление нетождественного состоит в том, что в процессе познания объект упрощается и огрубляется в результате приписывания ему таких состояний и характеристик, которыми в действительности он обладает в весьма приближенной мере, либо даже вовсе не обладает. Необходимость подобных упрощений и огрублений обусловлена тем, что действительности, особенно ее общественным формам, присущи сложная взаимосвязь, непрерывное движение и изменение. В силу этого при несомненной качественной определенности объектов реального мира им свойственна и неопределенность, выражающаяся в неустойчивости количественных пределов этой определенности и размытости границ перехода одного качества в другое.

Отождествляющая абстракция заключается в том, что неточное отождествляется с точным, неустойчивое и неопределенное - с устойчивым и определенным, непрерывное - с дискретным и так далее. Приблизительные реконструкции действительности отождествляются в сознании с объективным и сложным многообразием этой действительности.

В практике научных исследований такое отождествление, прежде всего, имеет место, во-первых, при раскрытии сути явлений на основе количественных показателей, полученных в результате измерения соответствующих признаков реальности. Историк недоступны точные, а иногда даже и приблизительные числовые данные об объектах своего исследования, поэтому он отвлекается от количественной точности и однозначности.

Во-вторых, отождествляющее абстрагирование используется в периодизации истории. Отождествление нетождественного выражается в том, что непрерывное в действительности движение событий при его изучении изображается как дискретное, то есть прерывистое, имеющее границы. Недостаток этого вынужденного подхода выражается в том, что остается неизвестным или неучтённым характер изменений в пределах выделенных интервалов. Поэтому установления границ между историческими периодами и стадиями носит условный и размытый характер.

В-третьих, отождествляющее абстрагирование используется при типологизации. Любая типологизация – это отождествляющая абстракция, так как не учитываются переходные и смежные формы разделяемых явлений, то есть похожие признаки или события отождествляется с непохожими. Объекты, входящие в один из типов, могут иметь черты сходства с другими типами. Создавая типологизацию, важно учитывать её относительный характер, поскольку она часто является огрублением, действительного положения дел. Кроме того, социальные явления развиваются, изменяются. С течением времени типологизация может им соответствовать не в полной мере.

Например, при выделении таких типов крестьян как зажиточные крестьяне, середняки и бедняки, не всегда можно чётко отделить наиболее богатого из бедняков от наиболее бедного из середняков, тем более что признаки типологических различий (количество скота, качество орудий труда и т.д.) могут изменяться в короткие промежутки времени. Изменения такого признака как самоидентификация крестьянина (кем он сам себя считает) проверить почти невозможно.

4. Еще одним путем восхождения от конкретного к абстрактному является *идеализация*. Суть ее состоит в том, что в процессе познания мысленно формируются объекты с идеальными (эталонными) свойствами. Эти свойства присущи объекту, но в действительности не обладают предельностью выражения. При идеализации действие на свойства объекта каких-то условий (факторов) сводится к нулю или становится неизменным. Тем самым проявление этих свойств доводится до предела, становится абсолютным. Эта абсолютность свойств идеального объекта и приписывается действительности. Таким образом, идеализация сочетается с абстрагированием от одних свойств и условий и с абсолютизацией других. Примерами таких идеальных понятий могут служить абстрактные понятия «античный полис», «феодализм», «абсолютизм» и т.п. Признаки, приписываемые античному полису, как обобщающему понятию, в полной мере могли не воплотиться ни в одном из конкретных городов-государств Древней Греции, потому что в каждом из них имелись какие-то особенности, не совпадавшие с «эталонным» полисом. Однако без понятия полиса невозможно описывать общие закономерности развития древнегреческих государств.

Для развитых научно-исторических проблем идеально-типические понятия, как правило, уже созданы историками. Однако на каждом новом этапе развития исторической науки требуется уточнять, корректировать, а иногда пересматривать некоторые устоявшиеся понятия с помощью метода идеализации. Кроме того, для изучения любого пространственно-временного фрагмента исторического прошлого, историк может

выводить идеализации, обозначающие типичную форму какого-либо явления прошлого, характерного только для изучаемого им фрагмента прошлого.

Восхождение от абстрактного к конкретному. В основе этого варианта восхождения от абстрактного к конкретному лежит, что с *идеальным* состоянием объекта сопоставляются его *реальные* состояния и тем самым раскрываются специфика и степень проявления в конкретном всеобщих черт и закономерностей этого объекта. Сопоставлению с идеалом предшествует метод идеализации, что является примером взаимодействия и взаимодополняемости двух методов абстрагирования. Примером такого сопоставления с идеалом могут служить работы историков, в которых с эталонным идеальным абсолютизмом сравнивают конкретные абсолютистские режимы в европейских странах. Иногда такой эталонный идеальный образец называют моделью.

Разворачивание фрагмента. Этот метод состоит в том, что последовательное разворачивание основных свойств реальности, абстрактно выраженных в исходном её фрагменте («клеточке», «ячейке», «элементе»), приводит к конкретному раскрытию присущих этой реальности противоречий и законов функционирования и развития. Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой движение познания от исходного «фрагмента» – абстракции – к раскрытию объекта познания во всем его многообразии. При разворачивании фрагмента историк показывает то, как изучаемый им предмет пронизывает разные сферы общественной жизни и воплощается в конкретных событиях и явлениях. Если, к примеру, изучаемое явление находится, в сфере экономики, то метод «разворачивания фрагмента» может показать какие у этого явления имеются политические, этнические, религиозные, гендерные, искусствоведческие и любые иные аспекты изучения. По сути, этот метод приближает объём предмета исследования к объёму объекта исследования

Таким путем шел К. Маркс в своём «Капитале». К. Маркс, отправляясь от категории “товар”, раскрывал свойственные товарному производству отношения и противоречия. Так, отталкиваясь от простейшего “фрагмента”, К. Маркс приходит к конкретному раскрытию законов функционирования и развития капиталистического способа производства и буржуазного общества в целом.

Классический образец использования метода разворачивания фрагмента можно найти в книге М. Блока «Короли-чудотворцы» (1924). Эта книга посвящена исследованию веры в способность королей Франции и Англии простым прикосновением руки исцелять больных золотухой. Эта вера была распространена с раннего средневековья до начала XIX века. М. Блок поставил проблему объяснения того, почему не смотря на то, что короли не возвратили здоровья ни одному человеку, все верили в их чудотворную власть. В поисках ответа на этот вопрос М. Блок обращается к комплексу причин, обусловивших эту веру. Рассматривая в разных контекстах феномен веры в исцеление прикосновением короля, историк показывает проявление этого феномена в бессознательных умонастроениях, в средневековой медицинской науке, в богословии, в политической философии, в магических обрядах, в жестах, в феодальном способе производства, в культуре Возрождения, в политической борьбе гражданских и религиозных войн Раннего нового времени, в событиях политических революций Нового времени.

Образ мира и категории мышления людей прошлого отличались от мировоззрения и мышления историка, и чем отдалённее прошлое, тем больше это различие. В связи этим возможны два пути использования метода разворачивания фрагмента:

В качестве исходных пунктов изучения исторического прошлого историк использует понятия и категории, принятые в современном ему научно-историческом языке, предполагая, что их смысл имеет соответствия в понятиях, категориях и явлениях прошлого.

В качестве исходных пунктов историк использует понятия и категории, имевшие место в языке и мышлении людей изучаемой эпохи, предполагая, эти категории имеют уникальные смыслы, не имеющие эквивалентов в современном историку мире.

Например, средневековое христианство можно изучать исходя из таких современных понятий как система церковного налогообложения, политические интересы церкви, структура повседневной религиозной жизни, духовный кризис, монашеская организация, а можно – исходя из таких средневековых категорий, как святость, грех, спасение, Конец света, таинство, земная власть, небесная власть, храм.

Некритическое перенесение и навязывание прошлому современных понятий может привести к ошибке модернизации истории. С другой стороны если исследование будет написано в понятийном аппарате исторического источника, то смыслы текста исследования будут также закрыты для современного человека, как и смыслы источника. Поэтому полный отказ от научной терминологии делает невозможным проведение систематизированного, доказательного и понятного современникам историка исследования. В целом, для решения методологической проблемы «коммуникабельности» разных культур историк должен осознавать относительный характер своего собственного мировосприятия.

Метод идеализации в социальном и естественно-научном познании. Теорию взаимосвязанных методов идеализации и сопоставления с идеалом в социальном познании разработал М. Вебер. Он использовал понятие «идеального типа» или идеально-типической конструкций. По М. Веберу, идеальный тип есть мыслительная конструкция, фантазия, не существующая в исторической реальности. Они конструируются исследователем, но не произвольно, а путем «мыслительного усиления определенных элементов действительности». Согласно М. Веберу, первичной в познавательном процессе будет объективная реальность, типические черты которой определяет субъект познания. М. Вебер называет идеально-типические понятия «техническим средством для обозримого материала».

В своём труде «Основные социологические понятия» М. Вебер выделяет три идеально-типических формы господства-подчинения:

1) традиционная (легитимная), основанная на обычаях и долговременном воспроизведении властных институтов;

2) харизматическая, основанная на авторитете и иррациональной вере в личность «вождя»;

3) рациональная, основанная на прагматическом расчёте и компромиссе. В работе «Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира» (написана в 1920 г.) М. Вебер использует следующие идеально-типические понятия: теодицея, аскетизм, мистика, мирская аскеза. В другой работе – «Хозяйственная этика мировых религий» (написана в 1915-1919 г.) – в сравнительном анализе разных религий используются такие понятия как «страдание в религиозной этике», «миссионерское пророчество», «рациональное видение мира», «героическая религиозность» и «массовая религиозность».

Идеальный тип в истории и социологии подобен собирательному образу в художественной литературе, например, разного рода типичным «героям своего времени», которые не имеют полностью совпадающего во всём прототипе, то чем-то похожи на очень многих людей.

Метод идеализированных абстракций или идеально-типических моделей используется не только в гуманитарных науках, но и в естественных. С XVII века естествоиспытатели начинают использовать абстрактные модели явлений ненаблюдаемых органами чувств. Тем самым натурфилософия трансформируется в строгую науку - неразрывно связанные физику и математику, поскольку научно описать ненаблюдаемые физические объекты можно только с помощью математики. Например, Г. Галилей, поставил вопрос, как падали бы тела, если бы не было сопротивления воздуха, как они падали бы в «пустом пространстве», хотя экспериментально использовать такое пустое пространство Г. Галилей ещё не мог.

Процесс идеализации - это мысленное конструирование понятий об объектах, не существующих и не осуществимых в действительности, но таких, для которых имеются

прообразы в реальном мире. Например, таким фундаментальным идеализированным понятием является понятие геометрической точки. В реальном мире не существует объект, представляющий собой абсолютную точку, то есть объект, который имел бы только одно измерение и не имел размера. Другими подобными понятиями, на которых основана физика, являются: абсолютно твёрдое тело, идеальный газ, абсолютно черное тело, конденсатор без утечки, абсолютно твердый рычаг, пружина без массы и другие. Таким образом, идеализация в исторической науке является частным случаем общенаучного метода идеализированных абстракций.

Принципы измерения в исторических исследованиях. Измерение – это один из исходных и главных общенаучных методов. По одному из определений, измерение – это операция, которая наблюдаемому состоянию объекта, процесса или явления ставит в соответствие определённое число или номер. Нужную исследователю информацию может дать не только непосредственные результаты измерения, но ещё и математическое преобразование этих результатов (обработка данных). Измерение в скрытом (*имплицитном*) виде содержится во всех остальных методах познания, в том числе и во всех методах гуманитарных наук.

Измерение – это один из видов абстрагирования, так как, устанавливая количество каких-либо объектов, мы отвлекаемся от каждого конкретно принимаемого в расчёт объекта самого по себе, нас интересует только его вклад как единицы в общее количество подобных объектов (элементов множества). Устанавливая величину каких-либо свойств объекта, мы отвлекаемся от описания свойства как такового, нас интересует только способ установления числового выражения данной величины.

В объективном мире нет неких "чистых" качеств, независимых от количества, чего-либо. Нет также количеств, независимых от качеств. Они всегда взаимозависимы. Самая большая трудность при математизации социального знания состоит в том, чтобы выявить качественную (сущностную) однородность разных явлений и тем самым показать, что они могут быть количественно сравнимыми.

Сущность измерения, то есть количественного анализа, состоит не просто в использовании исследователем тех или иных количественных данных. Количественные показатели могут вводиться и в простое описание. Измерение в историческом исследовании – это выявление и формирование такой системы численных характеристик изучаемых объектов, которая позволяет раскрыть конкретно-историческую и теоретическую сущность перехода количественных характеристик исторических явлений в качественные.

Для общенаучного метода измерения важнейшими являются два понятия: мера и единица измерения.

Понятие меры – это синтез противоположности и единства качества и количества. Именно мера показывает количественные границы качества и раскрывает качественную природу количества. Именно мера позволяет установить переход количественных накоплений в новое качество.

Почти все *единицы измерения*, искусственные и условные, они вырабатывались и апробировались в процессе длительного опыта и были разными в разных культурах. Наиболее развернутая и стабильная система эталонных единиц измерения сложилась в естественных науках (метр, килограмм, секунда и т.д.). Некоторые из них применяются и при измерении общественных явлений, непосредственно связанных с материей и пространством. Однако сложные социально-психологические и культурно-исторические явления невозможно описать с помощью единиц измерения из естественных наук.

Отношение меры одного признака к мере другого признака создаёт новую меру нового признака. Например, отношение расстояния к времени даёт меру скорости движения в пространстве, отношение численности населения к пространству его проживания даёт меру плотности населения. Большинство мер в демографии – науке о народонаселении, в том числе народонаселении в историческом прошлом, – получается

путём математического отнесения численности группы людей к каким-либо демографическим событиям в промежуток времени (количеству рождений, смертей, браков, миграций). То же самое можно сказать и о социальных, культурных и экономических показателях, которые могут интересовать историка. Меру большинства из этих показателей получают путём отнесения численности группы людей к количеству каких-либо изменений в человеческой и общественной жизни в промежуток времени.

Измерение в историческом описании и объяснении воплощается в количественных суждениях историка. Все количественные суждения, используемые как в научных исследованиях, так и в повседневном общении, можно разделить на два типа. Первый тип – это явные количественные суждения, в которых используются числа или выражения на формализованном математическом языке, при этом чётко оговаривается, какие конкретные объекты и признаки описывают числа. Второй тип – это неявные количественные суждения, в которых используются выражения естественного литературного языка и не оговаривается чётко или вовсе не оговаривается, какие конкретные объекты и признаки описывают эти выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

ТЕМА 8-9

Специальные методы исторического исследования

Методологию исторического исследования следует отличать от методики. Это относится и к соотношению понятий «метод» и «методика». С XIX в. в исторической науке утвердилось представление о методике как совокупности приемов критического анализа и использования историком привлекаемых им источников. Иначе говоря, методика – это техника исторического исследования, то звено исторического мышления и конкретно-исторического анализа, посредством которого реализуется методология. Теория (методология) – методы – методика – такова структура и последовательность исторического мышления при реализации конкретных исследовательских задач.

Согласно одной из точек зрения, методология и методика не зависят друг от друга. «Методология и методика представляют собой вполне самостоятельные формы познания, характеризуются специфическими признаками. Методология не может быть сведена к совокупности приемов частнонаучного исследования, к набору правил и процедур исследования. Систему исследовательских технических приемов правильнее называть не методологией, а методикой...», задача методологии – «дать систему общих теоретических принципов решения научных вопросов». Это – общенаучное представление о соотношении методологии и методики, обоснованность которого его автор стремится подтвердить данными из различных областей научного познания. Однако оно ошибочно, во всяком случае, по отношению к историческому исследованию.

Историко-генетический метод относится к числу наиболее распространенных в исторических исследованиях. Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта. Этот объект отражается в наиболее конкретной форме/Познание идет (должно идти) последовательно от единичного к особенному, а затем – к общему и всеобщему. По логической природе историко-генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации об исследуемой реальности – описательным. Разумеется, это не исключает использования (иногда даже и широкого) и /количественных показателей. Но последние выступают как элемент описания свойств объекта, а не как основа для выявления его качественной природы и построения его сущностно-содержательной и формально-количественной модели. Если, например, приводятся данные о размерах земельного надела крестьян, который они должны были получить в соответствии с аграрными проектами декабристов Никиты Муравьева и Пестеля, или какие-то другие количественные сведения о движении декабристов, то эти данные фиксируют лишь какие-то черты движения, а не его внутреннюю суть.

Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности. При использовании этого метода в наибольшей мере проявляются индивидуальные особенности исследователя. В той мере, в какой последние отражают общественную потребность, они положительно воздействуют на исследовательский процесс.

Таким образом, историко-генетический метод представляет собой наиболее универсальный, гибкий и доступный метод исторического исследования. Вместе с тем ему присуща и ограниченность, что может приводить к определенным издержкам при его абсолютизации.

Историко-генетический метод направлен прежде всего на анализ развития. Поэтому при недостаточном внимании к статике, т. е. к фиксации некоей

временной данности исторических явлений и процессов, может возникнуть опасность релятивизма. Последний, как известно, абсолютизируя динамическую природу объективной реальности (в том числе и исторической), отрицает возможность получения истинного знания о ней. Несостоятельность релятивизма обусловлена тем, что объективная реальность рассматривается односторонне. В ней учитываются одни изменения и игнорируется тот факт, что наряду с ними объективной реальности свойственна и известная устойчивость, проистекающая из того, что всякой качественной определенности соответствует тот или иной диапазон ее количественного выражения. Поэтому пока непрерывно происходящие изменения имеют лишь количественный характер и не приводят к возникновению нового качества, все объекты, явления и процессы реальности обладают устойчивостью. В этой связи важнейшее значение приобретает выявление меры количественной определенности соответствующих качеств.

Все это означает, что при использовании историко-генетического метода необходимо сочетать показ изменений и движения с фиксированием пределов качественной устойчивости изучаемой реальности.

Историко-генетический метод при чрезмерном внимании к конкретности и детальности может приводить к выпячиванию индивидуального и неповторимого и затушевыванию общего и закономерного. В исследовании, как говорится, за деревьями может исчезнуть лес. Поэтому в завершённом виде историко-генетический метод должен органически включать характеристику единичного, особенного и общего. К примеру, тот же анализ аграрных проектов декабристов должен сочетать характеристику отдельных проектов с раскрытием их места и роли в аграрной программе декабристов в целом (т. е. связь с особенным) и их общими представлениями о необходимости общественных преобразований (т. е. связь с общим), а также с системой существующих в данную историческую эпоху представлений об условиях общественного прогресса (т. е. связь со всеобщим). Разумеется, это не означает, что анализ отдельного, должен всегда содержать развернутую и конкретную характеристику особенного, общего и всеобщего. Речь идет о том, что суть единичного может быть адекватно выявлена лишь при его рассмотрении в связи с особенным, общим и всеобщим. Историко-генетический метод тяготеет к описательности, фактографизму и эмпиризму. Это в большей мере обуславливается тем, что в исторических исследованиях очень часто требуются большие усилия и затраты времени на выявление, сбор и первоначальную систематизацию, и обработку конкретно-фактических данных. В результате либо возникает иллюзия, что в этом и состоит главная задача исследования, либо не остается достаточного времени на тщательный теоретический анализ выявленных фактов.

Наконец, историко-генетический метод при всей давности и широте применения не имеет разработанной и четкой логики и понятийного аппарата. Поэтому его методика, а, следовательно, и техника, расплывчаты и неопределенны, что затрудняет сопоставление и сведение воедино результатов отдельных исследований.

Перечисленные слабые стороны историко-генетического метода особенно ярко проявляются при изучении на его основе массовых исторических явлений и процессов. Для успешного применения историко-генетического метода следует, когда возможно, сочетать его с другими общеисторическими методами.

Историко-сравнительный метод также давно применяется в исторических исследованиях. Вообще сравнение – важный и, пожалуй, самый широко распространенный метод научного познания. В сущности, без сравнения не обходится ни одно научное исследование.

Объективной основой для сравнений является то, что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм, а одни и те же или сходные формы могут выражать разное содержание. Поэтому в процессе сравнения и открывается возможность для объяснения рассматриваемых фактов, раскрытия сущности изучаемых явлений. В этом состоит основное познавательное значение сравнения как методологической основой историко-сравнительного метода в том случае, когда устанавливается сходство сущностей, является *аналогия*.

Аналогия – это общенаучный метод познания, который состоит в том, что на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делается заключение о сходстве других признаков. Понятно, что при этом круг *известных* признаков объекта (явления), с которым производится сопоставление, должен быть *шире*, чем у исследуемого объекта.

В целом историко-сравнительный метод обладает широкими познавательными возможностями, во-первых, он позволяет раскрывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она неочевидна, на основе имеющихся фактов; выявлять общее и повторяющееся, необходимое и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Тем самым заполняются пробелы и исследование доводится до завершенного вида. Во-вторых, историко-сравнительный метод дает возможность выходить за пределы изучаемых явлений и на основе аналогий приходить к широким историческим обобщениям и параллелям. В-третьих, он допускает применение всех других общеисторических методов и менее описателен, чем историко-генетический метод.

Успешное применение историко-сравнительного метода, как всякого другого, требует соблюдения ряда методологических требований. Прежде всего сравнение должно основываться на конкретных фактах, которые отражают существенные признаки как явлений, а не их формальное сходство.

Сравнивать можно объекты и явления и однотипные, и разнотипные, находящиеся на одних и тех же и на разных стадиях развития. Но в одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходств, а в другом – различий. Соблюдение указанных условий исторических сравнений в сущности означает последовательное проведение принципа историзма. Отступление от указанных принципов сравнения исторических явлений чревато ошибочными заключениями.

Выявление существенности признаков, на основе которых должен проводиться историко-сравнительный анализ, а также типологии и стадильности сравниваемых явлений чаще всего требует специальных исследовательских усилий и применения других общеисторических методов, прежде всего историко-типологического и историко-системного. В сочетании с этими методами историко-сравнительный метод является мощным средством в исторических исследованиях. Но и этот метод, естественно, имеет определенный диапазон наиболее эффективного действия. Это – прежде всего изучение общественно-исторического развития в широком пространственном и временном аспектах, а также тех менее широких явлений и процессов, суть которых не может быть раскрыта путем непосредственного анализа ввиду их сложности, противоречивости и незавершенности, а также пробелов в конкретно-исторических данных.

Историко-сравнительному методу присуща определенная ограниченность, следует иметь в виду и трудности его применения. Этот метод в целом не направлен на раскрытие рассматриваемой реальности. Посредством его познается прежде всего коренная сущность реальности во всем ее многообразии, а не конкретная специфика. Сложно применение историко-сравнительного метода при

изучении динамики общественных процессов. Формальное применение историко-сравнительного метода чревато ошибочными выводами и наблюдениями, чем грешат исследования буржуазных историков, которые, основываясь на чисто внешних и формальных сравнениях и аналогиях, искажают многие явления в историческом развитии нашей страны.

Историко-типологический метод, как и все другие методы, имеет свою объективную основу. Она состоит в том, что в общественно-историческом развитии, с одной стороны, различаются, а с другой, тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее. Поэтому важной задачей в познании общественно-исторических явлений, раскрытии их сущности станообразию тех или иных сочетаний индивидуального (единичного).

Общественная жизнь во всех ее проявлениях – непрерывный динамический процесс. Он представляет собой не простое последовательное течение событий, а смену одних качественных состояний другими, имеет свои существенно отличные стадии. Выделение этих стадий также является важной задачей в познании общественно-исторического развития выявление общего в пространственно-единичном, и выделение стадияльно-однородного в непрерывно-временном требуют особых познавательных средств. Таким средством является метод историко-типологического анализа.

Типологизация как метод научного познания имеет своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные типы (классы) на основе присущих им общих»существенных признаков. Направленность на выявление сущностно-однородных в пространственном или временном аспектах совокупностей объектов и явлений отличает типологизацию (или типизацию) от классификации и группировки в широком смысле, при которых может и не ставиться задача выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности. Разбиение здесь может ограничиваться группировками объектов по тем или иным признакам и в этом плане выступать как средство упорядочивания и систематизации конкретных данных об исторических объектах, явлениях и процессах. Типологизация, будучи по форме разновидностью классификации, является методом *сущностного* анализа.

Типологизация объектов и явлений общественной жизни – сложный познавательный процесс, который требует соблюдения ряда методологических принципов. Центральным является вопрос о тех основах, исходя из которых выделяют типы качественно определенных объектов и явлений. Диалектико-материалистическое решение этого вопроса предполагает в основе выделения типов учет *сущностных свойств* изучаемой *объективной реальности*.

Это важно подчеркнуть потому, что в немарксистской социологии и историографии имели и имеют место иные подходы к пониманию основ типологизации⁵⁹. Так, классический позитивизм и его последователи в историографии исходили из того, что типы общественных явлений представляют собой обособленные совокупности объектов, сходных в тех или иных отношениях. При отрицании возможности познания сущности явлений это сводило типологизацию к формальной описательной классификации объектов и явлений на основе чисто внешних признаков. Это – наивно реалистический по исходным теоретическим основам и метафизический по методологии подход.

Горизонтальная связь различных типов, образующих родовую целостность, выражается и в их пространственном соседстве и взаимодействии. Так, социально-экономическая структура крестьянского хозяйства в период капитализма включала в себя как целостность хозяйства таких типов: пролетарские, собственно крестьянские (мелкобуржуазные) и буржуазно-фермерские (предпринимательско-капиталистические).

Таким образом, выявление качественной определенности рассматриваемой совокупности объектов и явлений необходимо для выделения образующих эту совокупность типов, а знание сущностно-содержательной природы типов – непереносимое условие определения тех основных признаков, которые присущи этим типам и которые могут быть основой для конкретного типологического анализа, т. е. для раскрытия типологической структуры исследуемой реальности.

В современных исторических исследованиях все более широко распространяется историко-системный метод. Это обусловлено углублением исторических исследований как с точки зрения целостного охвата познаваемой исторической реальности, так и с точки зрения раскрытия внутренних механизмов функционирования и развития разного рода общественно-исторических систем. Уже рассматривались объективная природа общественных систем и общая суть системного подхода и системного анализа. Поэтому отметим лишь некоторые дополнительные моменты, связанные с применением системного подхода и системного анализа в исторических исследованиях. Эти моменты относятся и к онтологическим, и к гносеологическим аспектам историко-системного метода.

Объективной основой системного подхода и метода научного познания, как указывалось, является единство в общественно-историческом особенного и общего.

Индивидуальные события обладают теми или иными только им свойственными чертами, которые не повторяются в других событиях. Но эти события образуют определенные виды и роды человеческой деятельности и отношений, а, следовательно, наряду с индивидуальными они имеют и общие черты и тем самым создают определенные совокупности со свойствами, выходящими за пределы индивидуального, т. е. определенные системы.

Отдельные события включаются в общественные системы и через исторические ситуации. *Историческая ситуация* – это пространственно-временная совокупность событий, образующих качественно определенное состояние деятельности и отношений, т. е. это та же общественная система.

Наконец, *исторический процесс* в своей временной протяженности имеет качественно отличные этапы или стадии, которые включают определенную совокупность событий и ситуаций, составляющих подсистемы в общей динамической системе общественного развития. Так, ясно, что простая капиталистическая кооперация, мануфактура и фабрика или капитализм свободной конкуренции, монополистический капитализм и государственно-монополистический капитализм — системные стадии и этапы в генезисе и развитии капитализма.

Системный характер общественно-исторического развития означает, что все события, ситуации и процессы этого развития не только каузально обусловлены и имеют причинно-следственную связь, но также и функционально связаны. При этом, как бы ни была примитивна структура системы, «функции ее могут быть исключительно сложны», ибо определяются не только самой структурой, но и местом данной системы в сложной иерархии других систем. Функциональные связи в этом плане как бы перекрывают связи причинно-следственные, с одной стороны, и имеют комплексный характер, с другой. На этом основании полагают, что в научном познании определяющее значение должно иметь не причинное, а структурное, если говорить точнее, структурно-функциональное объяснение. Взаимодействие той или иной совокупности систем или поддетерминации. *Однозначно детерминированными* являются отношения, когда состояния подсистем полностью определяют друг друга. *Вероятностно-детерминированными* оказываются такие взаимодействия, когда состояние отдельных подсистем обуславливается другими подсистемами лишь в той или иной мере, имеющей

вероятностный характер. *Случайно-вероятностными* будут отношения между подсистемами, которые не имеют закономерного характера, т. е. не обладают свойствами устойчивости и повторяемости, присущими первым двум видам взаимосвязей.

Системный подход и системные методы анализа, к которым относятся структурный и функциональный анализы, характеризуются целостностью и комплексностью. Изучаемая система рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определенность с комплексным учетом как ее собственных основных черт, так и ее места, и роли в иерархии систем. Однако для практической реализации этого анализа первоначально требуется вычленение исследуемой системы из органически единой иерархии систем. Эту процедуру называют *декомпозицией систем*. Она представляет сложный познавательный процесс, ибо нередко весьма сложно выделить определенную систему из единства систем.

Вычленение системы должно проводиться на основе выявления совокупности объектов (элементов), обладающих качественной определенностью, выраженной не просто в тех или иных свойствах этих элементов, но и прежде всего в присущих им отношениях, в характерной для них системе взаимосвязей. При этом могут возникнуть трудности уже в определении содержательных границ выделяемой совокупности. Так, скажем, когда речь идет об изучении как системы крестьянского или помещичьего хозяйства, промышленности и торговли и т. п. явлений, соответствующие признаки могут быть установлены достаточно определенно (хотя и не всегда). Если же требуется, например, выделить как систему совокупность взглядов, выражающих либерально-буржуазную, мелкобуржуазную или иную идеологию, то признаки для этого не будут столь очевидными, как в первом случае. Поэтому вычленение исследуемой системы из иерархии систем должно быть обоснованным. При этом могут быть широко использованы методы историко-типологического анализа.

С точки зрения конкретно-содержательной, решение указанной задачи сводится к выявлению *системообразующих {системных} признаков*, присущих компонентам выделяемой системы. К ним относятся признаки, взаимосвязь между которыми прежде всего и определяет суть структуры данной системы, т. е. выражает сущностную определенность, целостность и устойчивость структуры. Очевидно, что эта задача не может быть решена путем учета возможно большего числа признаков. Необходим содержательный отбор наиболее существенных из них. Он требует глубокого знания изучаемых явлений и процессов, большой предварительной работы.

После выделения соответствующей системы следует ее анализ как таковой. Центральным здесь является *структурный анализ*, т. е. выявление характера взаимосвязи компонентов системы и их свойств. Структурный анализ может проводиться различными методами, позволяющими устанавливать взаимосвязи – от простейших логических методов выявления причинно-следственных связей до математических методов их анализа.

Итогом структурно-системного анализа будут знания о системе как таковой. Эти знания, как правильно указывают некоторые исследователи, имеют *эмпирический* характер, ибо они сами по себе не раскрывают сущностной природы выявленной структуры. Перевод полученных знаний на теоретический уровень требует выявления функций данной системы в иерархии систем, где она фигурирует в качестве подсистемы. Эта задача решается *функциональным анализом*, раскрывающим взаимодействие исследуемой системы с системами более высокого уровня.

Только сочетание структурного и функционального анализов позволяет познать сущностно-содержательную природу системы во всей ее глубине. Это обусловлено тем, что «собственные характеристики объекта (системы) обнаруживают гораздо более сложную природу, выступая как синтетический результат отношения между объектом и средой, как структурные свойства этого отношения».

Таким образом, системно-функциональный анализ дает возможность выявить, какие свойства окружающей среды, т. е. систем более высокого уровня, включающих в себя исследуемую систему как одну из подсистем, определяют сущностно-содержательную природу данной системы. В этом плане системно-функциональный анализ, основанный на диалектико-материалистическом понимании общественно-исторического развития, является мощным средством познания этого развития.

Функциональный анализ тоже является анализом структурным, ибо функции системы реализуются, как указывалось, через структуру. Но эта структура отличается от структуры непосредственно исследуемой системы: в функциональном анализе исследуется структура системы более высокого уровня, в которую включена и данная система. Так, если рассматривается производственно-экономический строй крестьянского хозяйства эпохи капитализма, то его структурный анализ будет направлен на выявление взаимосвязей между его основными компонентами (обеспеченность орудиями и средствами производства, рабочей силой, доходы и расходы и т. д.). Допустим, что эти связи были прямыми и тесными. Но раскрыть сущностно-содержательный смысл такой структуры, исходя лишь из не есамой, невозможно. Для этого надо рассмотреть крестьянское хозяйство как составную часть более широкой системы производственно-экономических отношений – как одну из подсистем общей системы капиталистического производства. Структура же последнего показывает, что на сравнительно высоком уровне развития капитализма характерна тесная сбалансированность основных компонентов этой структуры, обусловленная законами товарно-капиталистического производства (законы стоимости, средней нормы прибыли, конкуренции).

Соотнесение двух структур, осуществляемое функциональным анализом, дает возможность вскрыть причины тесной сбалансированности структуры крестьянского хозяйства. Она была обусловлена товарно-капиталистической природой этого хозяйства, его подчиненностью законам капиталистического производства. Таким образом, функциональный анализ позволяет раскрыть сущностную природу структуры анализируемой системы через сущность структуры системы более высокого уровня, а тем самым и выявить законы функционирования и развития изучаемой реальности. Таковы основные методологические принципы системного анализа. Суть их очевидна и, можно даже сказать, проста. Однако их практическая реализация при изучении общественно-исторических явлений намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Возникающие при системном анализе трудности обусловлены многоуровневым характером общественных систем, а потому и разной масштабностью компонентов этих систем. Следовательно, изучаемая реальность может рассматриваться на разных системных уровнях и при разных масштабах, составляющих систему компонентов. В этих условиях идеальным вариантом был бы такой подход, при котором исследуемая реальность анализируется на всех ее системных уровнях и при учете всех масштабов компонентов системы. Но такой подход можно реализовать далеко не всегда. Поэтому необходим обоснованный отбор вариантов анализа в соответствии с поставленной исследовательской задачей.

Но возникает вопрос о том, что конкретно в строении системы свидетельствует об ее уровне? Учитывая, что взаимодействие компонентов системы имеет характер субординации, т. е. при относительной самостоятельности частей они подчинены целому, можно считать показателем уровня иерархической системы масштаб составляющих ее компонентов.

Анализ общественно-исторических систем на разных уровнях обусловлен их объективной иерархической природой и субординацией в их взаимодействии. Его познавательные плюсы состоят в том, что переход к системам более высокого уровня позволяет расширить состав тех признаков, на основе которых ведется системный анализ.

Таким образом, необходимо обоснованное выделение структурного уровня изучаемой системы, а результаты проведенного анализа должны оцениваться с учетом того, насколько полно на избранном уровне может быть познана сущность рассматриваемой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Вишпер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Вишпер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

ТЕМА 10

Моделирование исторических явлений и процессов

Основные виды моделей и специфика их использования историком. Моделью (от латинского *modulus* – мера, образец) называется объект, который в каком-то отношении сходен с другим объектом – оригиналом, является упрощением последнего и служит целям познания. Использование аналогии и сравнения при моделировании заключается в том, что поведение модели переносится на поведение объекта-оригинала.

Моделирование – это разрешение фундаментального противоречия между ограниченностью, конечностью познавательных возможностей разума и безграничностью, бесконечностью познаваемого мира. В моделировании это противоречие решается путём упрощённости и приближённости моделей, которая позволяет адекватно отражать действительность, поскольку для большинства исследовательских задач вовсе не обязательно вкладывать в модель всю сложность и неисчерпаемость описываемых объектов. Исследователя интересуют, как правило, только некоторые свойства изучаемого объекта, и эти свойства вряд ли напрямую зависят от всех остальных свойств этого объекта на всех его системных уровнях вплоть до составляющих его элементарных частиц. Именно поэтому, историка при изучении массовых процессов с участием множества людей не интересуют недоступные ему мельчайшие и неповторимые отличия каждого человека от каждого, интерес представляют только наиболее часто встречающиеся и наиболее существенные, с точки зрения целей исследования, различия. Модель всегда «беднее» оригинала и в этом её преимущество с точки зрения познаваемости и управляемости.

Все относительные научные истины можно считать моделями. Исходя из этого, понятие модели иногда расширяют и отождествляют с понятием теории. Любая отдельная научная теория опирается на несколько взаимосвязанных моделей. Теория – это понятие, пересекается с понятием «модель», но не синонимично ему. Понятие «теория» используется для обозначения формы известных или доказываемых научных истин, а не для обозначения метода исследования неизвестного.

Вообще любой акт познания допустимо считать моделированием. Наиболее широким является определение модели как системы, исследование которой служит средством получения информации о другой системе. В этом смысле моделирование можно определить также как создание искусственных систем, выделяющих из образа сложного объекта некоторые части и замещающих эти части другими объектами, более понятными, простыми и удобными для описания, объяснения и изменения. *Образ* в данном определении – это мысленная субъективная картина фрагмента действительности, впечатление или пространственное представление. То, что образуется в аппарате мышления перед окончательным отчуждением образа от субъекта, называют информационной моделью.

Отчуждённые от внутреннего духовного мира информационные модели могут быть двух видов – предметной материальной моделью или знаковой абстрактной моделью. Предметная материальная модель воспроизводит геометрические, физические, динамические и функциональные характеристики объекта оригинала. В качестве примеров, использования предметных моделей в исторических исследованиях можно привести объёмные макеты древних городов или кораблей, восстановление лица по черепу (методика М.М. Герасимова), изготовление и использование орудий труда аналогичных найденным при археологических раскопках (экспериментальная археология).

Знаковая абстрактная модель воспроизводит объект-оригинал в виде логических и математических формул, таблиц, графических схем, сценариев альтернативных вариантов событий, и, в том числе, в виде исторического повествования (это будет *описательной моделью*). Все эти типы моделирования могут быть взаимопереводимыми: на язык

повествования можно перевести и схемы, и формулы, и таблицы, в свою очередь таблицы можно преобразовывать в схемы и наоборот.

Описательные модели могут привноситься в историческое исследование из других сфер познания прошлого. Например, вымышленный литературный герой из художественного произведения реалистичного жанра может послужить для историка моделью описания мотивов поведения типичного представителя какой-либо социальной группы в определённой исторической ситуации. Обоснованием допустимости для такого переноса служит то, что писатели создают своих героев на основе наблюдений над реальной действительностью, и нередко литературные герои являются собирательным образом, имеющим реальных прототипов.

В знаковом моделировании могут содержаться все виды абстрагирования. Например, формирование статистической выборки – это индуктивное изолирующее абстрагирование (в смысле неполноты собранных данных). В процессе математической обработки статистических данных используется отождествляющее абстрагирование в ситуации усреднений, округлений или объединения переменных. Использование историками четырёх моделей рынка (чистая конкуренция, чистая монополия, монополистическая конкуренция, олигополия) – это дедуктивное абстрагирования путём сопоставления с идеалом.

Подобие модели оригиналу может быть прямым или косвенным. В случае с прямой моделью речь идёт о создании искусственных чаще всего предметно-материальных систем имеющих отдельные общие физические свойства с изучаемым объектом оригиналом (разного рода макеты и копии реальных предметов, выборки социальных групп для анкетирования). Косвенная модель подразумевает, что два реально существующих системы, имеющие не тождественную физическую природу, тем не менее, подчиняются каким-то общим закономерностям, а, значит, могут служить аналогами друг друга, при изучении этих закономерностей. Взаимодействия животных особей или человеческих индивидов может служить аналогами друг друга для изучения закономерностей общественных отношений; психологические роли во взаимоотношениях полов могут служить моделью взаимоотношения государственных институтов и народных масс. Именно такую аналогию проводит выдающийся психолог XX века Э. Фромм (1900–1980 гг.) в своей книге «Бегство от свободы» (1941 г.), когда раскрывает садомазохистскую природу взаимоотношений тоталитарной власти и угнетаемых масс.

Модели по их назначению можно разделить на познавательные и прагматические. Познавательное моделирование ориентировано на приближение *модели к реальности*, которую модель отображает. Прагматическое моделирование связано с практической деятельностью и направлено на приближение *реальности к модели*. Цель познавательного моделирования – как можно лучше объяснить и описать реальный объект. Прагматические модели играют роль стандарта, эталона и образца, поэтому прагматическое моделирование – это не метод познания реальности, а метод управления реальностью. Чаще всего прагматические модели используются в технике или в сферах управления обществом. Однако своеобразным прагматическим моделированием можно считать выбор путей общественного развития с ориентацией на исторический опыт, то есть извлечение исторических уроков для избегания повтора исторических ошибок или, напротив, для следования образцовому примеру выбора в прошлом правильных решений. С более широкой точки зрения, любое сознательное изменение историком исторического сознания современников также становится прагматическим моделированием, так как историк приближает реальные представления людей о прошлом к желаемой историком идеальной модели прошлого. Эта идеальная модель необязательно будет адекватной, однако свою функцию исторической памяти она сохранит.

Имитационное моделирование исторических процессов. Задача имитационных моделей – изображение *возможного, допустимого* или *желаемого* в изучаемом объекте. Имитация может проводиться как с помощью математического анализа количественных

данных, так и с помощью повествования и литературных приёмов построения сюжетов и сценариев. В основе всех видов имитационного моделирования должен лежать глубокий и всесторонний причинно-следственный анализ.

Первая область применения имитационного моделирования в историческом познании – реконструкции исторической действительности в тех случаях, когда пробелы в источниках не могут быть восполнены однозначно и поэтому приходится представлять изучаемые исторические процессы в разных вариантах. Таким видом имитационного моделирования могут быть считаться вообще все предположения о неизвестных причинно-следственных связях в прошлом, а также попытки сведения воедино противоречивых свидетельств об одних и тех же событиях, а также или изложение разных версий одного события.

Вторая область применения имитационного моделирования изучения альтернатив исторического развития (от латинского *alter* – иной, другой). Альтернативы исторического развития могут представляться в двух видах. Первый вид моделирования исторических альтернатив – это описание реализаций содержавшихся в прошлом тенденций (направлений) развития (в виде несбывшихся планов, проектов, желаний, неудачных попыток). Второй вид – построение контрфактических моделей истории, то есть моделей противоположных по некоторым своим признакам действительному ходу событий. И в первом и во втором случае имитация может производиться только после установления *возможных пределов*, в которых могла быть заключена историческая реальности. В связи с этим задача математического имитационного моделирования состоит в том, чтобы выявить границы варьирования количественных значений, описывающих исторические явления.

Имитационное моделирование альтернатив исторического развития. Одной из первых сфер исследований общественной жизни, где математика использовалась для изучения исторических альтернатив, были военные конфликты. Ещё во времена Первой мировой войны англичанин Ф.У. Ланчестер создал уравнения для моделирования конфликтов с огневыми средствами, дистанция которых не выходила за пределы сражения. Классическая военная наука не изучает, полагает, что столкновение стандартных дивизий всегда подчиняется уравнениям Ланчестера, то есть, ход и исход его предопределен первоначальным соотношением сил. Достоинством моделей, базирующихся на уравнениях Ланчестера, является возможность заполнения переменных в формулах точными числовыми значениями конкретно-исторического содержания: численность войск, потери, огневая мощь, занимаемая площадь, геометрия позиции и т.д. В уравнениях Ланчестера каждую отдельную единицу вооружения рассматриваем как имеющую всего 2 состояния: боеспособна и небоеспособна. Соответственно, убийственную силу, "испускаемую" группировками войск друг против друга, измеряют в количестве единиц, которые эта сила может перевести в небоеспособное состояние за определённый промежуток времени. В системе уравнений учитываются соотношения сумм вероятной интенсивности поражения каждой группировки одной армии каждой группировкой войск другой армии, а также наличие или отсутствие информации о поражении боевой единицы противника (отсутствие такой информации уменьшает боеспособность, приводя к лишним выстрелам).

Среди исторических исследований, в которых использованы уравнения Ланчестера имеются и отечественные разработки. В конце 60-х годов группа под руководством Н. Н. Моисеева занималась моделированием морских сражений, в частности Синопского боя. В более поздних работах, использовавших модели Ланчестера, предпринимались попытки учитывать психологические факторы вооружённой войны, зависящие от соотношения и динамики потерь в сражающихся армиях, качества снабжения и других факторов.

Различные модификации уравнений Ланчестера (Lanchester's equations) активно используются сегодня в двух сферах:

1) в прагматическом стратегическом моделировании конкурентной рыночной борьбы в сфере массовой торговли (маркетинге);

2) в теории и практике программирования стратегических компьютерных игр, которые, по сути, также являются имитационным моделированием истории, выполняющим, правда, развлекательные или образовательные функции в гораздо большей мере, чем научно-исследовательские.

Среди самостоятельных отечественных разработок следует отметить исследование проведенное учёными В. Б. Луковым и В. М. Сергеевым в начале 1980-х годов. В этой работе предложен способ построения модели восприятия ситуации и принятия решения историческим деятелем. Тематический контент-анализ мемуаров Бисмарка позволил автором выявить смысловую структуру текста. Картина ситуации, существующая в сознании личности, воссоздаётся авторами, во-первых, из информации, имеющейся у исторического деятеля о реально произошедших событиях, во-вторых, из иерархии целей и мотивов деятеля (в данном случае Бисмарка в период 1866-1876 гг.).

В конкретно историческом плане авторы рассматривали возможности войны Германии с Россией и возможности расчленения Баварии, но построенная модель сама по себе позволяет изучать любые альтернативы связанные с деятельностью Бисмарка в обозначенный исторический период. Более того, разработанная в данной модели методика, может применяться к изучению любых мемуаров.

Ещё одно исследование, достойное служить образцом имитационного моделирования, проведено группой историков и математиков под руководством академика Н.Н. Моисеева. Оно представляло собой имитационное моделирование процессов экономической динамики греческих полисов (производство, распределение, обмен, потребление: всего несколько десятков признаков для разных слоёв населения в различных полисах) и влиянию на эти процессы Пелопонесской войны V века до нашей эры. Авторы рассматривали исторические возможности разного состава военных союзов, шансы побед и поражений в военных кампаниях в разные периоды Пелопонесской войны (например, могли ли Афины продолжать войну без дани с союзников, могли ли Афины избежать поражения в Сицилийской экспедиции и др.).

Важным методическим приёмом моделирования являлось использование так называемых сценариев. Сценарий – это система условий, предположений, ограничивающих количество возможных альтернатив. Интуиция и опыт историка сокращали множество изучаемых вариантов в разумных пределах. Достигается такое сокращение с помощью установки рамок для спектров значений переменных в алгоритме вычисления. Пример подобного сценария: предполагается, что от нашествия врага в одинаковой степени страдают все земледельческие слои населения, причём площади разрушения прямо пропорциональны площадям земель им принадлежащим. Без этого ограничения можно было бы предполагать возможности разной степени разрушения для разных слоёв населения и для обрабатываемых земель с разной площадью. Такое усложнение не только сделало бы слишком трудоёмкими расчёты, но и привело бы к запутанным, результатам.

Математическая суть модели заключалась в том, что неизвестные коэффициенты интегральных уравнений подбирались так, чтобы воспроизводимая на ЭВМ модельная экономическая динамика не противоречила всей другой информации об изучаемом периоде истории.

Контрфактическое моделирование потенциала исторического развития. Изучение альтернативности исторического развития в пределах состоявшейся истории подразумевает поиск ответов на вопрос, "могли ли события пойти иначе?", а не описание того, что могло бы быть, если бы события пошли иначе. В первом случае историк изучает вероятность событий, во втором случае он абстрагируется от вероятности, полагаясь не то, что произойти, могло даже наименее вероятное контрфактическое событие (чему история показывает немало примеров). Главный недостаток любого контрфактического

научного моделирования исторического прошлого – практическая невозможность верификации, а иногда и фальсификации результатов.

Тем не менее, такое моделирование чрезвычайно продуктивно в качестве стимула поиска новых методов в исторической науке, и новых взглядов на историческое прошлое.

Наиболее знаменитой попыткой профессионального контрфактического моделирования истории является работа лауреата нобелевской премии по экономике американского учёного Роберта Фогеля «Железные дороги и экономический рост» (1964). В этом исследовании моделируется развитие Америки XIX века при отсутствии железных дорог. При этом оспаривается устоявшееся мнение, что строительство железных дорог было главным и решающим стимулом развития всех остальных отраслей хозяйства и вообще развития капитализма. Р. Фогель доказывает, что основными путями сообщения стали бы водные и гужевые перевозки.

При моделировании какой-либо связи между какими-то переменными очень важно не потерять другие связи, оказывающие влияние на изучаемую связь. Если же такие потери произойдут, то это приведёт к неправильной, «недоопределённой» модели, а значит, и к неверным выводам. Так, например, наиболее часто критиковалось оппонентами Фогеля предположение о том, что цены на перевозки по водному транспорту в «контрфактической ситуации» остались бы равными действительным ценам 1890 г., а также то, что из всех воздействий железных дорог на экономику и общество рассмотрены только перевозки сельскохозяйственных грузов и производство чугуна

Возможно ли вообще построить адекватную контрфактическую модель истории? Поскольку в контрфактических моделях анализируется какая-то система событий прошлого, то в оценке адекватности этих моделей следует исходить из основных принципов системного анализа. В любой контрфактической модели истории из-за "недоопределения факторов" нарушается принцип целостности системы. Всякая система обладает целостностью, и недопустимо рассмотрение частей системы по отдельности вне их взаимодействия с другими частями. На нарушения принципа целостности в модели Р. Фогеля указывала И. М. Промахина. Из всех воздействий железных дорог на экономику и общество рассмотрены только перевозки сельскохозяйственных грузов и производство чугуна. Можно добавить и другой пример. Основой выводов Р. Фогеля является так называемое "общественное сбережение" – величина, на которую действительная цена перевозки товаров в определённый год отличалась от альтернативной цены перевозки того же количества товаров между теми же пунктами, но в случае отсутствия железных дорог. "Общественное сбережение" вычислялось в предположении, что в случае отсутствия железных дорог в XIX в. модель перевозок осталась бы той же, которая была на самом деле. Однако естественно, что общество, использующее только водный и автодорожный транспорт, отказалось бы от такой модели, изменились бы маршруты перевозок, географическая структура перевозок и т.д.

Нарушение принципа целостности систем в контрфактическом моделировании состоит в том, что изменения одних событий не предусматривают как следствия неизбежные изменения других. Явления, рассматриваемые в начале контрфактической модели, должны взаимодействовать только с уже изменёнными событиями, причём изменёнными не по логике исследователя, а по законам развития самой моделируемой системы.

Для сравнения с отечественными исследованиями, где использовались математические методы в контрфактическом моделировании истории можно выделить работу Ю.П. Бокарева, изучавшего модель возможной безденежной экономики в 1920-х годах в СССР. Ю. П. Бокарёв использовал сходные с Р. Фогелем методические установки (исключение из экономической системы какого-либо фактора и построение контрфактической модели развития экономики в отсутствие этого фактора). Ю.П. Бокарёв в монографии, посвящённой промышленности и мелкому крестьянскому хозяйству в СССР в 20-е годы оспаривает сложившееся в историографии мнение, что политика "военного коммунизма" вводилась как временная мера, вынуждаемая потребностью защиты от контрреволюции, экономически неоправданная и не имевшая практического успеха. Ю.П. Бокарёв

предполагает, что в случае хорошего урожая был бы выполнен план продрозвёрстки, не произошёл бы топливный кризис и командно-административная система сохранилась бы и в 1921 г. Математической основой модели Ю. П. Бокарёва послужила матрица коэффициентов корреляции между основными производственными и финансовыми показателями; устранение влияния на их вариации фактора денежного обращения, а также модель натурального обмена между городом и деревней на основе дифференциальных уравнений.

При описательном моделировании исторических альтернатив возможно использование приёмов литературного повествования. Одна из самых удачных попыток подобного моделирования представлена отечественным историком Н.Я.Эйдельманом (1930 – 1989 гг.) в его книге «Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьёве-Апостоле». Н.Я.Эйдельман пишет о вероятном развитии событий при успешном исходе восстаний дворянских революционеров 1525 года. Сюжет основывался на возможном удачном исходе восстания Черниговского полка, двинувшегося затем в столицу. Н.Я.Эйдельман суммировал все сохранившиеся в мемуарах и следственных материалах показания декабристов об их планах и предположениях о том, что произойдет с ними и в стране при победе восстания черниговского полка. И это дало ему основания выдвинуть гипотезу состояния революционной России, совершавшей необратимые преобразования и в то же время раздираемой внутренними смутами.

Позволяя себе подобные предположения о несостоявшейся истории историку необходимо учитывать: чтобы взглянуть на события глазами исторического лица, нужно воссоздать не только психологию этого человека, но и всю совокупность информации, которой он владел на данный момент, строго отделив от неё ту, которой он владеть не мог (либо владел, но не учитывал).

Системные свойства исторической ситуации в литературно-художественном моделировании могут искажаться литературными законами. Анализируя допустимость того или иного альтернативного события автор литературной модели может интересоваться не столько правдоподобием события или включённостью в общий контекст причинно-следственных связей, сколько необходимостью этого события для развития сюжета. Такой автор из учёного превращается в беллетриста, а его текст из научного исследования в художественное или публицистическое произведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

ТЕМА 11

Количественные методы в историческом исследовании

Рассмотрение вопроса о месте количественных методов в исторических исследованиях надо начать с уточнения понятий количественные методы и математические методы. Чаще всего как в исторических, так и в других гуманитарных исследованиях эти понятия употребляются как тождественные. Имеется в виду всякое использование количественных показателей и математических методов при анализе исследуемых явлений и процессов общественной жизни. В предыдущих главах настоящей работы между указанными понятиями также не проводилось различий. Но, строго говоря, эти методы не тождественны. Между ними имеются различия. Они состоят в следующем. С количественными методами в широком смысле мы имеем дело во всех тех случаях, когда изучение соответствующих явлений и процессов основано на анализе характеризующих их системы количественных показателей. Следует подчеркнуть, что используется именно система количественных показателей, раскрывающих основные явления, а не просто какие-либо численные данные о них. Понятно, что при этом могут применяться и определенные, как правило простейшие, приемы математической обработки количественных данных (вычисление средних значений, процентов, коэффициентов рассеивания и др.). Однако эти приемы не ставят цель раскрыть суть явлений путем построения их количественных моделей. Но любая система количественных показателей может быть основой для построения формально-количественных моделей изучаемых явлений и процессов. Для этого необходима более сложная их математическая обработка, а главное, непременно требуется предварительное построение сущностно-содержательной модели изучаемых явлений и процессов.

Таким образом, строго говоря, количественные методы – это обычный анализ явлений и процессов на основе системы количественных показателей, математические методы – это построение на основе системы численных данных формально-количественных, математических моделей этих явлений и процессов.

Поскольку в обоих случаях исходной основой для анализа является система количественных показателей и для их обработки применяется тот или иной математический аппарат, просто количественные и собственно математические методы имеют сходство, чем и обусловлено употребление этих понятий как тождественных.

Не отвергая это отождествление, ставшее в исторической науке традиционным, следует помнить и о различиях указанных терминов и отражаемых ими понятий и в необходимых случаях дифференцировать их употребление.

Математизация научных исследований и ее проявления в исторической науке. Отличительной чертой развития науки в эпоху научно-технической революции являются ее все углубляющиеся математизация и компьютеризация. Сейчас уже нет таких областей науки, в которые в той или иной мере не вторглись математические методы, электронные вычислительные машины и другая техника. Безусловно, этому во многом содействуют успехи в развитии прикладной математики и электронной, прежде всего вычислительной техники. Даже первые поколения ЭВМ позволяли выполнять такой объем вычислений, который невозможен в условиях применения обычной, «малой» счетной техники. Новейшие же ЭВМ обладают прямо-таки безграничными памятью и быстродействием. Это наряду с разработкой целого ряда новых направлений математики открыло возможность постановки и решения новых исследовательских задач.

Однако было бы ошибочно приписывать интенсивный процесс математизации науки прежде всего успехам в развитии математики и ЭВМ, как иногда делают. Если бы это было так, то математизация различных областей человеческой деятельности вообще и науки в частности протекала бы более или менее одновременно и равномерно. Но этого не происходит. Процесс внедрения математических методов и ЭВМ в разные науки и в отдельные области каждой науки обусловлен прежде всего их внутренним развитием и

происходит по мере того, как они оказываются «готовыми» к математизации и испытывают потребность в ней. Именно поэтому декларативные призывы к превращению общественнознания в точную науку путем переноса в него методов естественных наук, присущие позитивизму со времени его возникновения, и остаются бесплодными.

Но очевидно, что и готовность к математизации и потребность в ней могут возникнуть в любой науке на определенном этапе ее развития только при наличии объективных предпосылок для количественного анализа явлений, составляющих объект познания соответствующей науки.

Посмотрим, каковы же объективные предпосылки для количественного анализа явлений реального естественного и общественного мира, т. е. насколько в онтологическом смысле возможна математизация процесса познания этого мира. Такая возможность не только существует, она неограниченна. Основой? этого является органическое сочетание количества и качества повсюду в природе и обществе. Этот закон не имеет исключений. В объективном мире нет неких «чистых» качеств или количеств, не зависящих от качеств. Они всегда находятся во взаимодействии.

Качество и количество выражают противоположные стороны реальности и являются поэтому полярными понятиями. Но эта противоположность одновременно сочетается с единством. Синтезом противоположности и единства качества и количества выступает мера, которая представляет собой более сложное интегральное понятие, отражающее свойства и качества и количества. «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения». Действительно, мера как синтез противоположности и единства качества и количества глубоко раскрывает и реально выражает их диалектическую взаимосвязь. Именно мера показывает количественные границы качества и раскрывает качественную природу количества. Выражая количественные изменения, мера характеризует движение и его интенсивность. Наконец, мера позволяет установить переход количественных накоплений в новое качество.

Следовательно, сущность того или иного явления, которая и составляет его качественную определенность, будет раскрыта в полной мере только тогда, когда будет выявлена количественная мера данного качества. Именно поэтому К. Маркс и считал, как отмечал П. Лафарг, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой». Это важное положение относится ко всем наукам.

Органическое сочетание в явлениях объективного мира количества и качества обуславливало то, что в развитии науки всегда имела место тенденция к выявлению количественных характеристик изучаемых явлений и процессов, к количественной оценке как отдельных черт, так и общей природы, и сути этих явлений, а, следовательно, и к применению тех или иных математических методов обработки и анализа количественных данных. Понятно, что размах и осознанность этих тенденций на разных этапах развития науки и в разных ее областях были неодинаковыми. Обществоведение здесь всегда отставало и отстает от естествознания и техники, хотя сопряженность количества и качества также имманентно присуща явлениям общественным, как и естественным. Основная причина тому – сложность явлений общественной жизни. Эта причина обуславливает трудности не только в выявлении меры и измерении указанных явлений, но и в самом выявлении сути того или иного качества.

Таким образом, объективная природа явлений общественной жизни является такой, что не только допускает применение количественных и математических методов при изучении этих явлений, но и может быть наиболее глубоко познана только на их основе. Современное же развитие науки, определяемое как непосредственными потребностями общественной практики, так и углублением самой научно-познавательной деятельности, требуют все более широкого применения количественных и математических методов.

Общей предпосылкой обращения ученых-марксистов к количественным методам в общественно-гуманитарных науках, как и во многих других, является непрерывное

углубление исследований, которое на определенной их стадии неизбежно порождает потребность в количественном анализе.

Приведем пример из области исторических исследований, который показывает, как для углубления знаний становится необходимым обращение к математическим методам. Речь идет об изучении классовой борьбы крестьянства в России в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. Этот период характеризовался, с одной стороны, усилением феодальной эксплуатации крестьянства, а с другой – ростом крестьянского движения. И то и другое конкретно показано в многочисленных трудах советских историков, посвященных как анализу каждого из указанных явлений в отдельности, так и параллельному их освещению. Кардинальный вопрос о том, в какой мере определенная степень эксплуатации и ее усиление влияли на размах борьбы крестьянства и ее нарастание, конкретно не исследовался. Не исследовался потому, что определяющее воздействие эксплуатации на борьбу крестьянства представлялось очевидным. Эта очевидность основывалась на том, что борьба крестьянства представляла собой выражение антагонизма, имманентно присущего феодальной системе производственных отношений, а усиление эксплуатации крестьян было важнейшим фактором, обострявшим этот антагонизм. Из этого логически следовал вывод, что главной причиной усиления классовой борьбы крестьян было усиление их феодальной эксплуатации. И в целом такое понимание, безусловно, является правильным, ибо применительно к феодальному способу производства именно эксплуатация крестьянства и ее усиление являются основным фактором, порождающим и классовую борьбу крестьянства, и рост ее размаха и остроты.

Но наступил момент, когда это верное, но исторически абстрактное понимание сложного исторического явления потребовало конкретизации применительно к определенной исторической эпохе. Внутренняя логика познания явления привела к необходимости восхождения от абстрактного к конкретному. Была поставлена задача непосредственного выявления зависимости размаха движения крестьян от интенсивности их феодальной эксплуатации. Такую задачу поставили Ю.Ю. Кахк и Х.М. Лиги и попытались ее решить применительно к движению эстонского крестьянства в нач. XIX в.

Для решения этой задачи потребовалось применение математических методов – надо было выявить тесноту взаимосвязи показателей, характеризующих степень эксплуатации крестьян и размах их антифеодальной борьбы. Для анализа были взяты данные по именам южной Эстонии. По каждому из них учитывались 14 показателей о положении крестьян, в том числе о размерах их барщинных повинностей до реформы 1804 г. и после нее, а также фиксировалось наличие или отсутствие волнений крестьян. Посредством корреляционного анализа установили тесноту взаимосвязи между всеми этими показателями. Оказалось, что участие крестьян в волнениях было в целом слабо связано с их положением и эксплуатацией. Коэффициенты корреляции колебались в пределах 0,35—0,56. Иначе говоря, при прочих равных условиях размах крестьянских выступлений определялся положением крестьян и интенсивностью их эксплуатации лишь на 12—31%, т. е. размах борьбы крестьянства зависел в основном не от указанных факторов, а от иных. Авторы объясняют такое положение стихийным характером борьбы крестьянства. Когда интенсивность эксплуатации в целом достигла предельно высокого уровня, т. е. повсеместно существовали объективные предпосылки для крестьянских волнений, конкретные выступления крестьян вызывались не тяжестью их положения, а всякого рода иными причинами.

Таким образом, при несомненной обусловленности классовой борьбы крестьян остротой классового антагонизма и выражавшей его интенсивности эксплуатации конкретный размах борьбы при ее стихийном характере не был однозначно детерминирован этими факторами, а мог определяться другими причинами, игравшими роль поводов. Ясно, что второй вывод не отвергает первого, а конкретизирует и углубляет

его. И это стало возможным, когда соотношение качества и количества было синтезировано в мере, что потребовало обращения к математическим методам.

Можно было бы привести много других примеров, показывающих, как на определенном уровне изучения тех или иных явлений и процессов исторического развития становится необходимым обращение к математическим методам. Из сказанного совершенно очевидно, что обращение к математическим методам прежде всего диктуется состоянием соответствующей науки и потребностями дальнейшего углубления исследований. Современное же состояние наук, в том числе и исторической, превращает эту потребность во все более настоятельную необходимость.

Эпоха научно-технической революции характеризуется прежде всего необыкновенным ускорением темпов развития науки. Ученые полагают, что за три четверти XX в. человечество накопило значительно больше научных знаний, чем за всю предшествующую историю, а во многих областях науки в течение 12—15 лет объем научных знаний будет удваиваться. Информационный взрыв, имеющий место в науке, ставит ряд важных задач не только в области систематизации, хранения и использования накопленных знаний, но и в сфере проведения новых научных исследований. Выполнение последних во всех науках требует привлечения все большего объема новых фактических данных и более совершенных методов их выявления, обработки и анализа. Все это ускоряет приближение научных исследований к тому их внутреннему рубежу, который диктует потребность в обращении к математическим методам и ЭВМ.

Быстрое накопление новых знаний характерно и для развития советской исторической науки. Хорошо известно, что в послевоенный период объем новых знаний резко возрос и идет быстрое дальнейшее их накопление. Сейчас уже фактически нет сколько-нибудь крупных явлений и процессов в отечественной и зарубежной истории, которые не были бы охвачены хотя бы небольшой серией исследований. И вместе с тем ежегодно в стране появляются тысячи исследований, посвященных изучению исторического прошлого. Разумеется, это никоим образом не означает, что нет событий, явлений и процессов или тех их аспектов, которые еще не охвачены изучением. Наоборот, по мере накопления знаний обнаруживается все большее число сторон исторического развития, которые требуют исследования. Важно, что и в исторической науке стоит проблема оперирования накопленными знаниями и необходимости привлечения все большего объема конкретно-исторических данных при проведении новых исследований. Это, как отмечалось, требует, с одной стороны, расширения источниковой основы исследований путем введения в научный оборот источников, которые до этого либо вовсе не использовались, либо привлекались ограниченно. Здесь внимание исследователей обращается прежде всего к разного рода массовым, в том числе первичным, данным, содержащимся в источниках. С другой стороны, все настоятельнее обнаруживается потребность в повышении информативной отдачи уже введенных в научный оборот источников. Эти задачи нельзя решить без совершенствования методов выявления, критической оценки, обработки и анализа фактических данных, в том числе и применения математических методов и ЭВМ.

Другим важным обстоятельством является то, что общий уровень современной науки и потребности ее дальнейшего развития обуславливают все более отчетливое проявление тенденции к интеграции научного познания.

В развитии науки всегда имеет место органическое сочетание дифференциации и интеграции. Но на отдельных этапах этого развития на первый план может выдвигаться одна из этих сторон. В условиях научно-технической революции все более отчетливо обнаруживается тенденция к интеграции. Одно быстрое накопление знаний, достигаемое в результате интенсивной дифференциации и специализации научных исследований, без должного интегрального, обобщенного подхода не может обеспечить всестороннего, цельного и все более глубокого познания объективной реальности, ибо объективная реальность представляет собой органическое единство общего, особенного и единичного. Все это имеет место и в исторической науке.

Сразу же надо отметить, что хотя и дифференциация и интеграция научного познания являются объективными чертами его развития, возможности их реального проявления неодинаковы. В практике научных исследований их специализация протекает как бы стихийно в том смысле, что для ее разворачивания не требуется специальных побуждений и организационных мер. Она, естественно, воспринимается и психологически, ибо результаты ее непосредственны и очевидны.

Реализация же тенденции к интеграции в этом плане более трудна, особенно, если интеграция происходит в условиях господства дифференцированного подхода. Здесь необходимы иная подготовка специалистов, организация и координация исследований, преодоление привычных представлений о характере этих исследований. Поэтому успехи интеграции во многом зависят от субъективного воздействия на ее развитие. Понятно, что это воздействие должно основываться на учете объективных предпосылок и потребностей обобщенного подхода в познании явлений объективного мира. В этой связи необходимо более подробно рассмотреть проявление тенденции к интеграции в советской исторической науке.

В развитии исторической науки в советский период ясно выделяются этапы, когда на первый план выступала либо дифференциация, либо интеграция исследований. В период становления и утверждения марксистской советской исторической науки (с 1917 г. и до середины 30-х годов) на первый план выдвигалась задача критической оценки того наследия, которое было получено от дворянской и буржуазной исторической науки, овладения марксистской теорией и методологией исторического познания и выработки на этой основе новой концепции общего хода исторического развития. Естественно, что создание такой концепции требовало широкого и комплексного рассмотрения хода исторического развития, т. е. интегрального подхода к нему. Это, разумеется, не исключало и дифференцированного изучения отдельных сторон, этапов и событий этого развития, но такое изучение в целом не играло главной роли.

На базе утвердившейся марксистской теории и методологии исторического познания с конца 30-х годов и особенно в послевоенный период началась активная разработка отдельных сторон, этапов, явлений и процессов исторического развития, основанная на привлечении нового конкретно-исторического материала, т. е. все более дифференцированное в проблемном, пространственном и временном аспектах изучение хода отечественной и всемирной истории. Это и привело к накоплению того огромного объема исторических знаний, которым мы обладаем в настоящее время.

Прогрессировавшая тенденция к дифференциации исторических исследований не упраздняла обобщенного, интегрированного подхода к изучению прошлого. Об этом свидетельствует появление целого ряда обобщающих трудов: как фундаментальных индивидуальных монографий, так и коллективных работ по истории отдельных республик и регионов. Вершиной обобщающих исследований явилось создание многотомной всемирной истории, в которой впервые с марксистских позиций был охарактеризован ход мирового исторического развития. Но в общем соотношении дифференциации и интеграции явно преобладал (даже безусловно господствовал) дифференцированный подход.

Примерно с начала-середины 1970-х годов стали все более отчетливо обнаруживаться минусы чрезмерно глубокой специализации исторических исследований. Объем таких исследований вырос настолько, что они стали доступными лишь узкому кругу специалистов, но тем или иным проблемам. Но это не главный недостаток узко специализированных исследований. Основной их минус с точки зрения общих задач исторической науки состоит в трудности их сведения, обобщения полученных в них результатов. Нередко такое сведение оказывается вообще невозможным. Это происходит в силу того, что исследование одних и тех же явлений, и процессов, очень часто даже на основе однотипных источников, но применительно к различным регионам или временным срезам, ведется отдельными историками или группами их разобщенно. Отсюда —

различия в постановке исследовательских задач, методах отбора, обработки и анализа конкретно-исторических данных и обобщении результатов. В итоге возникают парадоксальные ситуации, когда наличие большого числа исследований по тем или иным явлениям и процессам не создает основы для их обобщающей характеристики. Понятно, что такие обобщения не могут всецело базироваться на специальных исследованиях. Они требуют самостоятельной разработки и анализа источников, но должны включать и результаты дифференцированных исследований. Иначе не будет синтеза, дифференцированного и обобщающего подходов, а, следовательно, и взаимосвязанного анализа общего, особенного и единичного в историческом развитии.

Сложившаяся ситуация обусловила то, что в советской исторической науке стала усиливаться тенденция к интеграции. Основным ее выражением остается создание обобщающих трудов, как по истории отдельных стран и регионов, так и особенно по отдельным аспектам исторического развития. Последний момент следует отметить особо, ибо он является новой чертой в процессе интеграции исторических исследований, свидетельствующей об их углублении. Новой формой обобщающих исторических исследований становится и коллективная монография.

Однако в целом в советской исторической науке в настоящее время, несмотря на усиление тенденции к интеграции, господствует дифференцированный, часто узко специализированный подход, и необходимо дальнейшее усиление интеграции. Суть проблемы состоит не просто в том, чтобы всячески выдвигать интеграцию на первый план. Необходимо учитывать сложный характер соотношения дифференциации и интеграции и особенности этого соотношения в современную эпоху. Историки, к сожалению, не уделяют должного внимания этому важному вопросу. Так, основные усилия по преодолению издержек чрезмерной дифференциации исследований идут по линии борьбы с «мелкотемьем», а потребность в интеграции реализуется главным образом путем создания многотомных коллективных обобщающих трудов. Между тем, как показывает развитие других, прежде всего естественных наук, отличительной чертой выдвижения на первый план интегративных тенденций является синтез обобщенного и специализированного подходов к изучению реальности. Сам процесс дифференциации исследований, который продолжает активно развиваться, все в большей мере идет интегральным путем. Новые направления исследований, превращающиеся в самостоятельные области наук или их направления, наиболее интенсивно и успешно развиваются на стыках наук или разных аспектов отдельных наук. Биофизика, биохимия, физическая химия, кибернетика, информатика, бионика, астробиология, космическая медицина – все эти и многие другие научные дисциплины и направления науки выражают собой, с одной стороны, процесс дифференциации научного познания, а с другой, – его интеграцию. Комплексные междисциплинарные исследования, все более широко входящие в практику современной науки, являются синтезом дифференциальной и интегральной сторон в научном познании.

Комплексные, интегральные исследования, основанные на реализации достижений специализированного, дифференцированного изучения реальности, имеют ряд уровней. Высшим является общенаучный уровень. Он связан с такими задачами научного познания, решение которых требует усилий всех наук либо многих наук разного профиля. К их числу относятся так называемые глобальные проблемы, т. е. явления действительности, затрагивающие интересы всего человечества. Такие из них, как, например, предотвращение термоядерной войны или экологическая, для решения требуют усилий буквально всех наук.

Растущая потребность в общенаучной интеграции – характерная черта развития современной науки. Этим обусловлено усиление взаимосвязи естественных, технических и обществоведческих наук, отражающее единство всех явлений объективного мира. \

Разумеется, движение ко всеобщей интеграции науки и ее торжество в будущем никоим образом не устранят специализации научного познания, ибо объективному миру

наряду с единством присуще и разнообразие. Поэтому только на основе самой глубокой дифференциации станет возможным высший синтез этого познания.

Другим уровнем интеграции являются междисциплинарные исследования, осуществляемые усилиями и методами ряда наук. Это могут быть науки как одного типа (естественные, обществоведческие, технические), так и разных типов. Например, биофизика или биохимия являются комплексными, интегральными дисциплинами, синтезирующими усилия наук одного типа, а экономико-географические исследования или инженерная психология основаны на науках разных типов.

Еще один уровень интеграции представляют внутри дисциплинарные комплексные исследования. Они синтезируют разные аспекты исследований в пределах одной и той же науки.

Указанные уровни (или варианты, как их еще называют) •синтеза научного познания являются общепризнанными в литературе по методологическим проблемам науки. Отметим эти уровни необходимо для того, чтобы яснее представить процесс интеграции в исторической науке. Она включена во все уровни интеграционных процессов. Но интеграция в исторической науке имеет свою специфику, состоящую, как было показано при рассмотрении места исторической науки в системе наук, в том, что историческая наука по внутреннему характеру является комплексной и интегральной. Во всех предметных аспектах исторические исследования в -большой мере совпадают с предметами других общественных и гуманитарных наук. Поэтому историкам для выполнения исследований на должном уровне необходимо владеть методами соответствующих наук. Перед ними стоит задача углубления и повышения эффективности интеграции путем более квалифицированного использования идей и методов смежных наук.

Углубление междисциплинарного взаимопроникновения необходимо и приносит пользу не только исторической науке, но и другим включенным в этот процесс наукам. Об этом свидетельствует усиление тенденции к интеграции с исторической наукой, тенденции, которая исходит от других общественно-гуманитарных наук и проявляется не только в давно сложившихся направлениях обществоведческих исследований (таких, например, как история литературы, экономической и политической мысли и др.), но и в сравнительно новых. К числу последних можно отнести конкретные историко-социологические, историко-психологические, антиисторические исследования, выполняемые не историками, а специалистами в соответствующих областях.

Имеет место в исторической науке и внутри научная интеграция. Ее выражением являются, как указывалось, обобщающие общеисторические и проблемные труды, отличающиеся широкими пространственным и временным подходами. Но в последнее время обнаружился еще один путь, который ранее выражался слабо. Мы имеем в виду межпроблемную интеграцию, а именно совокупный анализ тесно связанных, смежных аспектов исторического развития. Ранее других было интегрировано изучение явлений экономических и социальных. Теперь в советской, да и вообще в марксистской историографии стало правилом совокупное изучение социально-экономического развития. Это – более высокий уровень по сравнению с отдельным анализом данных аспектов, ибо изучение охватывает весь базис. Утвердилось и совокупное исследование общественной мысли и общественного движения. Хотя и не очень интенсивно, но входит в практику сопряженное историческое изучение социально-политических, социально-культурных, социально-психологических явлений. Все это повышает уровень и значение исторических исследований.

Но главной задачей во внутриисторической интеграции является поиск путей и методов для такого выполнения узкоспециализированных исследований, которые позволили бы синтезировать их результаты в работах интегральных. Решению этой задачи во многом может способствовать применение математических методов.

Интеграция научного познания на всех уровнях протекает определенным образом, т. е. имеет свой внутренний механизм» Это, во-первых, перенос идей и посылок научного познания из одной области науки в другую, во-вторых, использование понятийно-категориального аппарата и методов одних областей знания другими. Иначе говоря, углубление исследований достигается за счет взаимобмена и синтеза достижений в познании различных (смежных и отдаленных) областей реальности. Но при интеграции может возникнуть и потребность в новых идеях, подходах и методах, что и породило общенаучные подходы и методы.

Однако, чтобы указанный механизм интеграции мог действовать, синтезируемые идеи, подходы, методы и понятийно-категориальный аппарат должны быть сводимы. Между тем, даже в пределах одной науки в силу многообразия познаваемой реальности и разнообразия исследовательских задач и методов их решения такая сводимость затруднена. Для ее преодоления необходима универсализация языка науки, во-первых, и выработка общенаучных и межпроблемных (или региональных, как их чаще называют) подходов и методов познания и соответствующего им понятийно-категориального аппарата, во-вторых. Решение этих задач возможно лишь путем абстрагирования и формализации. Высшим же выражением абстрагирования и формализации, как известно, является математизация научных исследований.

В современной науке уже достигнуты, можно сказать, выдающиеся успехи в складывании новых общенаучных подходов и методов, и соответствующего им понятийно-категориального аппарата. Наиболее важными из них в этом плане являются системный подход и структурный и функциональный анализы, вероятностный подход и математико-статистический анализ, модельный подход и математическое моделирование, многомерный подход и многомерный математический анализ, информационный подход и энтропийный анализ. Особо следует подчеркнуть фундаментальное значение системного подхода, ибо указанные и другие общенаучные подходы, и методы в практическом применении чаще всего основываются на нем и выступают как конкретные методы структурного и функционального анализа, в которых реализуются принципы этого подхода.

Внутреннее тяготение системных методов анализа к математизации обусловлено тем, что всякая система (в данном случае имеются в виду общественные системы) представляет собой большую или меньшую совокупность составляющих ее элементов. Как сами эти элементы, так и присущие им признаки и связи могут быть основой измерения. Следовательно, имеется реальная возможность для применения количественных и математических методов и углубления анализа путем введения в него меры. Оно позволяет систематизировать и целостно выразить соотношение в исследуемой системе явления и сущности, содержания и формы, количества и качества.

Таковы внутренние факторы, определяющие все усиливающуюся потребность в математизации науки, в том числе и исторической.

Практической реализации этой потребности во многом содействуют успехи в развитии математики и электронной вычислительной и другой техники. Особенно важную роль здесь играют ЭВМ, ибо их появление не только создало мощное средство для математизации науки и развития самой математики, но и вообще радикально расширило возможности интеллектуальной деятельности как в науке, так и во всех других сферах человеческой практики.

Таковы основные факторы, которые обуславливают все более отчетливые тенденции к математизации современных научных исследований и проявление этих тенденций в исторической науке. Как бы интегральным выражением этих факторов являются отмечаемые многими советскими специалистами по теории и методологии научного познания, усиливающиеся теоретизация и диалектизация научного познания и возникновение на этой основе нового стиля научного мышления, отличающегося более широким и глубоким, сложным и строгим взглядом на объективную реальность и

подходом к ее познанию. Все это еще пока не нашло в исторической науке столь четкого проявления, как в других науках, и не получило вполне ясного осознания. Но развитие исторической науки идет тем же путем, что и других наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Вишпер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Вишпер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

ТЕМА 12-13

Исторический источник и исторический факт

В методологии истории важную роль играют исторический источник и исторический факт, а также научная теория. Все познавательные принципы и исследовательские методы опираются на них, оперируют ими. В данном учебном пособии я использую идеи и определения наиболее крупных советских историков, весьма основательно разрабатывавших эти вопросы – И.Д. Ковальченко и М.А. Барга. Причем у первого я заимствовал анализ исторического источника, а у второго – анализ исторического факта. Этим вопросам большое внимание уделяли и другие советские историки – С.О. Шмидт, О.М. Медушевская, Л.Н. Пушкарев, А.П. Пронштейн, А.В. Лубский и конечно же М.А. Варшавчик и многие другие. В целом эти вопросы изучались в исторической науке, по меньшей мере, два столетия, т.е. здесь имеется весьма обширная историография. В данном учебном пособии не ставится цель раскрыть историографию этих важных для теоретического источниковедения вопросов. Я хочу познакомить студентов и аспирантов с наиболее авторитетными толкованиями данной проблемы в работах двух наиболее ярких академиков советской историографии.

Исторический источник – исторический источник выступает в качестве базы исторического исследования. Наличие источников для историков – обязательное условие его научного исследования. Исторический источник – это продукт целенаправленной деятельности людей. Это история живых людей. Он отражает социальные и индивидуальные характеристики автора (ров). Атрибуция (установление авторства) исторического источника – это путь к познанию прошлого. С одной стороны, исторический источник – это факт исторического прошлого, с другой – содержит информацию об этом факте. Поскольку исторические источники возникают только в результате общественной деятельности людей, то все они являются историческими остатками. Важнейшей задачей историка-исследователя является установление максимального количества источников.

Обязательная процедура – критика исторического источника (внешняя и внутренняя). Внешняя – установление подлинности исторического источника и изучение его как носителя информации о прошлом (места, условий возникновения, автора). Внутренняя – изучение показаний источника об историческом факте: достоверность, полнота и точность информации об историческом факте. Важным является установление представительности (репрезентативности) источника относительно самой исторической действительности. Надо учитывать, что значительная часть информации в источнике – скрытая.

Важным является классификация исторического источника, в которой выделяются 3 подхода:

1) Синтаксический – по методам и формам отражения в них действительности. В рамках этого подхода правомерным является подразделение исторического источника на 4 типа: а) вещественные; б) письменные; в) изобразительные; г) фонические. Затем каждый тип классифицируется на виды.

2) Прагматический (никто не осуществил).

3) Семантический (содержательный) (практически невозможно осуществить).

Центральной проблемой источниковедения является повышение информационной отдачи исторического источника путем извлечения скрытой информации.

Понятие факта. Слово «факт» – латинского происхождения. Латинский глагол *facere* означает «делать», причастие *factum* переводится на русский язык как «сделанное». Слово «факт» вошло во все языки, и только немцы, также применяя его, создали и синоним-эквивалент *Tatsache*. В общих словарях факт разъясняется как нечто реальное, достоверное, действительно имевшее место, на чем можно основываться. Любая наука рассматривает всякий факт, факт вообще в двух смыслах:

1) для обозначения «эмпирических фактов», то есть фактов, относящихся к объективной реальности, или действительности, 2) для обозначения «научных фактов», то есть элементов знания, с помощью которых объективная реальность описывается (факт-реальность и факт – описание реальности).

Понятие исторического факта также включает оба этих значения: 1) реального события прошлого — фрагмента прошлой жизни, 2) отражения этой реальной действительности в труде историка.

Современный методолог дает историческому факту следующую дефиницию: «Исторический факт можно определить как сведения, почерпнутые из достоверного источника и подвергшиеся истолкованию, а именно установлению причинно-следственных связей. Имея, таким образом, двойственную природу, исторический факт никогда не может быть тождественным источнику». Обладая такими же двумя сторонами, что и всякие иные факты, исторический факт имеет свои особенности, и каждая из них влияет на специфику исторического исследования – как говорят, «имеет выход в практику».

Социальная значимость. Историческим фактом может быть не каждый из бесконечного множества фактов прошлого, а лишь социально значимое явление в истории общества или отдельного лица, то есть сыгравшее значительную роль в истории и наложившее свой отпечаток на ее последующее развитие (Герострат если и получил известность, то, может быть, из-за «приоритета», но не всякий поджигатель – историческая личность). Как определить, какие факты прошлого социально значимы и могут получить «пропуск в историю»?

Определение социальной значимости факта прошлого – задача сложная. Она зависит от характера времени и условий деятельности исследователя, от уровня развития исторической науки, профессионализма историка, его моральных качеств и других факторов. В средние века «пропуск в историю» имели лишь упоминавшиеся в Библии народы. Долгое время в истории царил европоцентризм. До XVIII в. историки считали заслуживающими внимания только политические факты, то есть те, что были связаны с деятельностью носителей власти – королей, их министров, полководцев, придворных, а факты, отражавшие жизнь и борьбу народных масс, игнорировались, как и экономика,

умственная жизнь, быт и нравы. Еще в XVIII веке историки зачастую отбирали для повествования преимущественно те факты, с помощью которых можно было поучать и развлекать читателей. Очевидно, что с тех пор критерии определения значимости фактов прошлого изменились.

Взаимосвязь с другими фактами. Даже социально значимый факт может считаться историческим лишь во взаимосвязи с другими фактами: выхваченный из контекста, даже социально значимый факт историческим не является. «...Некий факт становится историческим в его связях, в его отношении к другим фактам. Вне связей нет ни фактов истории, ни самой истории».

Исторический факт, выдернутый из совокупности фактов, превращается в не имеющий значения «фактик», в не имеющий силы доказательства пример. Непременным условием научности исследования является анализ всей совокупности относящихся к данному вопросу фактов.

Существуют две основные категории объективных связей между фактами: 1) *пространственно-временные* – всё, происходящее в мире, может иметь место только во времени и пространстве, 2) *причинные*, которые далеко не всегда лежат на поверхности, которые мы ищем и открываем, – без них мы имели бы хаотический набор фактов, но не историческую науку. Выход в практику исторического исследования, вытекающий из этой особенности исторических фактов: иллюстративный метод («например») в исследовании противопоказан («пример — не доказательство»); исследователь обязан отобрать максимальное количество исторических фактов, в идеале – все исторические факты, выяснив характер связей между ними. Поскольку этот идеал на практике редко достижим,

встаёт вопрос, когда допустимо прекращение сбора фактов, ответ на который может быть следующим: когда исследователь пришел к определенным выводам и видит, что новые факты этот вывод лишь подтверждают.

Опосредованность изучения факта. Чрезвычайно важной особенностью реального изучения исторического факта (факта-события, эмпирического факта) является то, что в подавляющем большинстве случаев историк не может его наблюдать и не может восстановить в эксперименте, – исторический факт может быть изучен и описан лишь опосредованно, через источник. Отсюда следует, что исторический факт имеет не только отмеченные выше два смысла (факт-событие, эмпирический факт, реальный факт прошлой жизни – и научный факт, факт-исследование, описание реального факта в исследовании), но и еще один, как сказать промежуточный, смысл: факт-источник.

Эта особенность исторического факта имеет для практики исторического исследования совершенно исключительное значение, поэтому несколько далее мы остановимся на ней особо.

Самодовлеющее значение факта. Особенностью исторического факта является и то, что он имеет в науке, в известной мере, самостоятельное, самодовлеющее значение. Выход в практику из этой особенности исторического факта – играет первостепенной роли в выведении закономерности.

Неповторимость исторического факта. Исторический факт единичен, индивидуален и неповторим, но в то же время у него имеются общие черты с некоторыми другими историческими фактами. Именно благодаря этому диалектическому единству единичного и общего в исторических фактах историк может и описывать, и обобщать, выводя закономерности. Это общее является их своеобразным общим знаменателем, его можно как бы вынести за скобки. Сочетание у единичных исторических фактов индивидуального и общего является предпосылкой выведения исторических закономерностей и позволяет истории претендовать на звание науки и являться ею.

Неповторимость исторического факта. Потенциальная неисчерпаемость исторического факта объясняется следующими обстоятельствами:

- 1) его разложимостью, которая означает, что даже самый простой факт может быть разложен на ряд еще более простых.
- 2) наличием у него таких сторон и элементов, которые, не будучи замеченными современниками, обращают на себя внимание потомков;
- 3) успехами источниковедения, методики исторического исследования и других наук.

Исторический факт является источником (единицей) информации, но сам по себе он «молчит» – до тех пор, пока исследователь не извлечет из него информацию с помощью вопросов о его происхождении и содержании. Среди этих вопросов: кем, где, когда, в какой обстановке (условиях), почему и с какой целью предпринято данное действие? Каждый из заданных вопросов, в свою очередь, может уточняться, например, «кем?» – это не только имя исторического персонажа, но и его происхождение, социальная, национальная, семейная и иная принадлежность, образование, рабочий стаж и т. и. Частный и тривиальный, казалось бы, вывод: необходимость высокого профессионального уровня исследователя.

Неполнота содержащейся в факте информации. Даже при умелой и квалифицированной постановке выше обозначенных вопросов исторический факт дает нам не полную, а частичную, относительную информацию о прошлом.

Как уже отмечалось, одной из особенностей исторического факта является наличие у него трех (а не двух, как в других науках) сторон, обликов, ипостасей – он предстает перед нами в трех разновидностях: – факт-событие, эмпирический факт, реальный факт объективная реальность, существовавшая в прошлом вне и независимо от нашего сознания; – факт-источник – отражение в источнике реально существовавшего объективного факта, но с гримом субъективности автора источника; – факт-исследование, научный факт – отражение в исследовательском труде, через посредство источника,

объективной реальности прошлого, но с гримом двойного субъективизма: автора источника и автора исследования. В каждой науке существует огромное количество фактов, и для удобства и результативности изучения их обобщают, группируют, классифицируют. В исторической науке факты типологизируют.

По содержанию:· Экономические· Политические· Идеологические

По структуре:· Простые· Сложные

По значению:· Существенные· Несущественные

Факты по содержанию. Исторические факты, объединяемые по признаку содержания, могут быть: экономическими (производство амфор в Древней Греции, торгово-промышленный кризис в Европе в 1847 году), политическими (революции, государственные перевороты, войны), идеологическими (подготовка умов к свержению феодально-абсолютистского строя во Франции, общественная психология и джингоизм

в Великобритании во время войны с бурами). Историки-марксисты уделяли особое внимание, экономическим факторам, а позитивист Г. Т. Бокль, формально признавая множественность причин прогресса, приоритетную роль отводил умственному развитию.

Факты по структуре. По структуре различаются исторические факты простые и сложные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

Тема 14

Этапы и структура исторического исследования

Выбор темы. Выбор темы — методологическая проблема. Историк как будто может взяться за исследование любой темы, на практике же выбор ее обусловлен тремя мотивами: актуальностью, наличием доступных источников, интересом к ней исследователя.

Под актуальностью темы понимается ее общественная полезность, политическая и научная. Избранная историком тема должна стоить того, чтобы о ней писали. В прочитанном в Сорбонне в 1896/97 учебном году методологическом курсе Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, как бы идя от обратного, — как не надо выбирать тему — цитировали Г. Флобера: «Не написать ли нам жизнь герцога Ангулемского, — сказал Пекюше. — По ведь это был глупец, — возразил Бувар. Что за важность!». Слово «актуальный» (от лат. *actualis* — деятельный) трактуется словарями как насущный, назревший, важный, особо значимый в настоящее время, для данного момента. Поскольку История призвана помочь обществу в решении стоящих перед ним задач, проблема актуальности заключается в определении того, какую из бесчисленного множества потенциально могущих быть исследованными тем прошлого целесообразно изучать в данный момент. Актуальность темы отнюдь не определяется хронологической близостью прошлого к исследователю (такое неверное понимание актуальности привело в свое время к острой нехватке специалистов — античников и медиевистов).

От актуальных тем надо отличать конъюнктурные темы. Конъюнктурщина — болезнь для исторической науки губительная, без преувеличения смертельная для ее сущности и престижа. Конъюнктурщина — аморальная форма приспособления науки к текущим условиям для получения автором и его заказчиками сиюминутных выгод: «...сиюминутные приоритеты побуждают вас высвечивать в прошлом одно и не видеть другого». Словарь синонимов определяет конъюнктурщика не требующим расшифровки презрительным словом «приспособленец» (в обиходе бытует не менее презрительное — «флюгер»).

Приводим расшифровку конъюнктурности академиком Ю. Л. Поляковым: «Ее можно определить как стремление — в соответствии с не всегда правильно понимаемыми задачами дня выпячивать одни исторические события и отодвигать на второй план другие, не менее важные, преувеличивать историческую роль одних деятелей, напротив, преуменьшать значение других, а то и вовсе оставлять явления, факты, людей за бортом книг и статей».

Классическим примером конъюнктурщины были произведения об Иване Грозном, служившие оправданию сталинских репрессий. Конъюнктурен был интерес иных историков к событиям на Малой Земле — героическим, но в контексте Великой Отечественной войны отнюдь не центральным, — прошлое искажалось в угоду падкому на лесть правителю с помощью того способа фальсификации истории, который мы называем смещением акцентов или нарушением пропорций. Существенной предпосылкой, с которой историк практически начинает работу, является наличие доступных источников — доступных в разных планах. Очевидно, не стоит изучать тему, если источники находятся в архиве зарубежной страны, доступ в который практически невозможен, как и историю региона, с языком которой потенциальный автор незнаком. «Вез малейшего преувеличения, — писали еще в конце XIX века Ланглуа и Сеньобос, — от кандидатов на ученые профессии следовало бы требовать, чтобы они были, по меньшей мере, *trilinguis*, т. е. читали бы без особого труда на двух языках кроме своего родного». Владеть иностранными языками должны не только всеобщие историки, но и изучающие историю собственной страны, в противном случае они не могли бы использовать иноязычные источники и ознакомиться с соответствующими зарубежными трудами.

Наконец, трудно переоценить и значение интереса к теме, без которого работа над нею не принесет творческой радости и будет иметь следствием труд вымученный и неполноценный. Именно поэтому научный руководитель начинающего исследователя, стремящийся приобщить его к своей школе, делает это деликатно, путем возбуждения интереса к теме, а не с помощью административного нажима.

Розыски литературы и источников – важная стадия исследовательской работы, требующая определенных знаний, значительной затраты сил и времени. Ее недопустимо игнорировать или выполнять недостаточно внимательно и добросовестно, ибо от количества и качества литературы, особенно источников, зависят успех всего исследования, его полнота и характер выводов. Поэт и ученый-библиограф В. Я. Брюсов сравнивал труд библиографа, не всегда видимый зрителю, с возведением фундамента: «великолепные стены и купоны дворца могут выситься лишь потому, что под них подведен прочный фундамент».

Рассматриваемую стадию исследовательской работы принято обозначать словом «эвристика», одно из значений которого – «разыскание» (от греч. *heurisko* — находить; общеизвестен возглас Архимеда «Эврика!» – «Нашел!»). Эти разыскания не должны быть кустарными, для их успешного проведения полезно ознакомление со специальными трудами.

Для составления перечня существующих по данному вопросу источников и литературы исследователь обращается к библиографическим пособиям разных видов: тематическим, региональным, авторским, интересуясь в первую очередь последними, новейшими изданиями.

Первоочередное изучение литературы. Обнаружив в результате эвристических процессов литературу и источники, исследователь начинает изучение литературы. Ознакомление с литературой необходимо по ряду очевидных причин.

Надо ценить труд своих предшественников, продвигавших изучение данного предмета в прошлом. Надо представить себе общие контуры сюжета, обезопасить себя от работы вхолостую «изобретения велосипеда», «открытия Америки». Главная же причина заключается в том, что, если бы исследователи игнорировали достижения своих предшественников и каждый раз начинали изучение темы сызнова, с того же старта, наука топталась бы на одном месте. Образные сравнения объясняют механику научного прогресса так: ученый стоит на плечах своих предшественников и благодаря этому видит дальше, эстафету науки ученые передают друг другу.

Изучаемую литературу надо кратко конспектировать и давать ей оценки, помня, что при переходе к написанию собственного исследования эти оценки должны лечь в основу историографической части введения. Конспекты и выписки из прочитанной литературы можно делать на карточках (имея в виду, что карточки не обязательно должны быть каталожными, часто они больше их по размеру) или в тетрадях. Каждый из этих видов выписок имеет свои преимущества и недостатки, следовательно – своих сторонников и противников. Сторонники карточек ссылаются на возможность их группировки в любые комбинации, что облегчает процесс написания соответствующих разделов исследования, сторонники тетрадей – на компактность и удобство хранения, хотя, видимо, их аргументация менее убедительна, особенно для опытных ученых.

Постановка проблемы. Лишь изучив литературу по избранной им теме, историк может определить цель (и вытекающие из неё более узкие задачи) своего исследования, или, другими словами, выдвинуть (поставить, сформулировать) проблему или вопрос. Тема и проблема – отнюдь не синонимы. Изучая литературу, исследователь выясняет, какие вопросы данной темы освещены должным образом, а какие вовсе не осмыслены или решены неправильно. Отсюда и вытекает постановка проблемы, или постановка вопроса (проблема – нерешенный, не до конца решенный, неправильно решенный вопрос). «Слово "проблема" часто употребляется расширительно, означая любой вопрос. <...> Говорят,

один глупец может задать больше вопросов, чем семь мудрецов в состоянии па них ответить. Однако глупец не поставит ни одной проблемы».

Постановка проблемы должна быть сформулирована лаконично и предельно четко, поскольку от этой чеканности зависит вся дальнейшая работа (подобно тому, как решение командира – наступать или обороняться – определяет дальнейшие действия подчиненных ему войск). Занимая в исследовании минимальное физическое место, постановка проблемы принципиально важна и определяет его направление. Пока общество чего-то не знает и не догадывается о том, что не знает, оно не продвигается в данной области вперед. Лишь поняв, что он этого не знает, человек начинает искать ответ. «Каждая проблема возникает как определение области непознанного. Проблема... это не просто незнание, а знание о незнании».

Методология источниковедения была предметом рассмотрения в нескольких предыдущих лекциях, поэтому сейчас будут сделаны лишь некоторые дополнительные замечания.

Работа над источником занимает центральное место в процессе исторического исследования. Чем обильнее будут привлечены и качественнее обработаны источники, тем основательнее станет база для обобщений, тем больше шансов на успешное решение цели исследования.

Очередность изучения источников. Обнаружив источники, историк приступает к извлечению из них нужного материала, делает выписки и накапливает факты. При этом он должен начинать с источников, относительно более доступных и обозримых, например, с мемуаров или опубликованных документов. Только хорошо представив тему, дав себе отчет в том, какие сведения он хотел бы обнаружить дополнительно, приблизительно сориентировавшись в их местонахождении, исследователь может перейти к изучению архивных материалов.

Конечно, работа в архивах всегда привлекает внимание исследователя, прежде всего потому, что здесь хранятся неопубликованные материалы и имеется известный шанс открыть что-то новое. Кроме того, архивный документ очень интересен, работа над ним доставляет удовольствие. Это осязаемый сколок жизни прошлого: не только содержание документа, но и бумага, чернила, почерк, сановные пометы и резолюции на документе

помогают создать представление об изучаемой эпохе. Однако не следует переоценивать значение архивных источников и фетишизировать их, как это делают иные малоопытные исследователи. Последние, не усвоив должным образом опубликованных источников, затрачивают подчас много труда в архивах, впоследствии нередко обнаруживая, что «открытые» ими факты давно пущены в научный оборот.

Можно ли собрать все факты. В принципе исследователь должен стремиться к сбору всех фактов, имеющих отношение к поставленной им проблеме и помогающих ее решению. Когда исторические факты извлечены из источников и критически проанализированы, исследователь переходит к составлению плана и написанию текста работы.

К этому времени у него уже сложился определенный взгляд на исследуемую проблему. Нередко во время собирания фактов он набрасывал вчерне план работы, фиксировал возникавшие мысли. Эти эскизы теперь используются. Если исследователь при отборе материала делал тематические выписки на карточках (на отдельных листах), то, разложив их теперь в определенном порядке, он облегчит себе написание труда.

Нецелесообразно браться за написание его до того, как изученный материал источников отстоится, закрепится в сознании, и станут ясны взаимосвязи явлений. Преждевременное изложение неотстоявшихся мыслей может привести к созданию не удовлетворяющих самого исследователя и не используемых им впоследствии вариантов труда, а в худшем случае – к Соотношение описания и анализа. Приступая к написанию текста, историк исходит из того, что, хотя исторические факты представляют собой материал для обобщений и выводов, в известной мере им присуща самодовлеющая

ценность. Это связано с особенностями исторической науки, задачей которой является и описание конкретных событий прошлого, и установление их закономерностей; выведя на основании фактов некоторую закономерность, историк не теряет к ним интереса, ибо в них воплощено конкретное проявление закономерности. К тому же описание исторических фактов зачастую сохраняет научное значение даже тогда, когда выводы из этих фактов безнадежно стареют.

Однако работа историка не должна состоять из одних описаний фактов, даже если они проверены и достоверны. Мало установить, что данное событие произошло в определенном месте в определенное время, следует также выяснить его связь с другими, причину свершения. Иными словами: мало констатировать исторический факт, надо его осмыслить и объяснить. Обобщения и выводы следует делать лишь на основе совокупности всех изученных фактов, а не на базе отдельных, выдернутых из этой совокупности примеров. С помощью отдельных, произвольно взятых примеров можно доказать любой тезис, но это будет лишь иллюстрация предвзятой мысли, подгонка фактов под схему, а не научное исследование.

Гегелевский тезис «пример — не доказательство» состоятелен уже потому, что, «доказав» нечто с помощью примера, можно тут же опровергнуть это с помощью другого примера.

Структура исследования. Текст любого исследования должен включать введение, главы, заключение (выводы), библиографию. Необходимыми составными частями введения должны быть: обоснование актуальности темы, характеристика использованной литературы (историография), постановка проблемы, обзор источников. Обычно самой обширной частью введения является анализ литературы (компоненты и модель этой части были изложены в лекции «Методология историографии»), самой короткой, но принципиально важной — постановка проблемы. Для студента введение зачастую оказывается сложнейшей частью его курсовой или дипломной работы.

Количество и объем глав зависят от ценности собранного фактического материала и от потребности в аргументации содержащихся в исследовании выводов. Выводы должны быть сжатыми и чеканными и содержать ответ на выдвинутую во введении проблему.

Приводимая в конце исследования библиография обычно не совпадает с первоначально составленным списком литературы и источников, так как он пополнялся в ходе исследования. Правильно оформленный труд должен также иметь титульный лист, оглавление, ссылки на использованные источники и литературу (научный аппарат).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Индрик», 1993. – 319 с. – ISBN-5-85759-003-5.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство:Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

Тема 15

Язык научного исследования

Значение темы. Когда книги и статьи проштудированы, источники изучены и проблема исследована, историк приступает к написанию труда – к сведению воедино собранного материала, его литературной шлифовке. В этой стадии работы есть своя прелесть: как говорил Маркс, «приятно вылизывать дитя после столь длительных родовых мук».

Однако стилистическая шлифовка обусловлена не только ее приятностью или научной совестью пишущего. Историк исследовал проблему, то есть нерешенный или неправильно решенный вопрос, не столько для собственного удовольствия, сколько для потребителей – читателей, чтобы написанное оказалось прочитанным, оно должно быть читабельным.

Поиск нужного слова. Подобно кирпичу в строительстве, слово играет основополагающую роль в литературе. Как из кирпичей возводятся этажи и весь дом, так слова группируются во фразы, абзацы и главы, из которых складывается книга. Рассказы о мучительных поисках нужного слова, о «муках слова» (А. С. Пушкин) часто встречаются в мемуарном и эпистолярном наследии писателей.

Важнейшей предпосылкой правильного понимания и применения слова является должное знание излагаемого предмета. Точное выражение мысли связано и со словарным запасом (у английского крестьянина он составлял около 300, у В. Шекспира, по разным подсчетам, 15—24 тыс. слов), с необходимостью использования толковых, синонимических и иных словарей; надо научиться ощущать опенки слова и применять оптимальное из ряда синонимов (согласно Ж. Ренару, «синонимов не существует. Существуют только необходимые слова»).

Гармоничность фраз. Принято считать, что предложением называется группа слов, выражающих законченную мысль. Эта мысль должна быть изложена ясно, однозначно и восприниматься без труда. Предложение не должно быть тяжелым. Утяжеляют его чрезмерная длина, множественные придаточные предложения с причастными и деепричастными оборотами, промежутки между определениями-прилагательными и определяемыми существительными. Не осилив барьер из тяжелых корявых фраз, читатель может отложить книгу.

Фраза должна логично, легко и незаметно перерастать в следующую – не только без разделительных рвов, но и без швов, на которых фиксируется внимание. Предложения группируются в абзацы, продуманное членение на которые радикально улучшает текст (Паустовский убедительно показал это в главе «Случай в магазине Альшванга» повести «Золотая роза»). Абзацу, которому присущи ведущая идея и внутреннее единство, можно дать – мысленно или письменно – заголовок. Будучи проставлены на полях, чаще всего в учебных пособиях, такие маргиналии (иначе «боковики», или «фонарики») облегчают чтение и усвоение материала, как бы освещая его содержание, с чем и связано одно из их названий. Хорошая фраза эстетична по форме и звучанию, поэтична и музыкальна.

Динамичность и краткость изложения. Качественность произведения зависит не только от обилия новых мыслей и наращиваемой информации, но и от динамичности — «стремительности изложения». Текст теряет динамичность прежде всего от неоправданного многословия обилия слов для выражения мысли, ее разъяснений и повторений («разжевывания»), избытка необязательных деталей, создающих впечатление дряблости мысли, топтания на месте и вызывающих скуку.

Требовательный к себе автор стремится убрать из рукописи, машинописи, верстки, при переизданиях все лишнее («выжать воду», «выбросить балласт», «изъять пустую породу»).

Проблема образности. Искусство отражает действительность при помощи художественных образов. Герои художественных произведений — обобщенные образы, а

не слепки с определенных лиц и событий, и наличие прототипов ничего в этой постановке вопроса не меняет. Литераторы и художники, в соответствии со спецификой их творчества, всегда отвергали требование «фотографического» отражения жизни, отстаивали свое право на создание обобщенных образов, творческую фантазию, вымысел.

Для образного воспроизведения действительности литератор применяет специфические средства: метафоры, сравнения, гиперболы, аллитерации и т. п.

Науке же, в том числе истории, присущи доказательность, теоретическое сознание, выяснение закономерностей. Даже при описании для истории важно не образное, а точное мышление, – в этом смысле и история является точной наукой. Историк должен дать описание внешнего вида и качеств того или иного конкретного исторического персонажа, обязан выяснить и воссоздать достоверную картину свершавшегося в прошлом события. Вымысел историка недопустим, всякое преднамеренное отклонение от исторической правды представляет собой фальсификацию, преступление против науки и морали. Для историка неприемлемы и могущие быть неправильно истолкованными неопределенность, расплывчатость, символичность, намеки.

Таким образом, перед историком две взаимосвязанных задачи: его описание прошлого должно быть, с одной стороны, правдивым и, с другой стороны, интересным, то есть и образным. По приоритет – за правдивостью: прежде всего истинность и уж потом интересность; допустимо (хотя, бывает, и огорчительно) жертвовать образностью, но недопустимо – правдивостью: На вопрос, какова мера допустимой образности в историческом труде, историк должен ответить себе сам, решив с самого начала, что он собирается написать: исторический роман (и тогда образность не дозирована) или историческое исследование (и тогда изложение в первую очередь подчиняется правдивости). Этот вопрос неизбежно встает перед пишущим историком. В. В. Тарле сформулировал его в конце XIX века, и остается актуальным и сегодня.

Интересность. Хороший литературный язык является важной предпосылкой, но не гарантией успеха созданного историком глубокого исследования. Стилистическая гладкость не адекватна увлекательности исторического труда для читателя. Интересным, занимательным, увлекательным его может сделать изложение. К компонентам увлекательности относятся: · новизна информации; 1) должная формулировка проблемы (нерешенного вопроса); 2) раскрытие научного поиска – трудностей и противоречий, которые исследователь преодолел в ходе научного исследования; 3) динамичность – движение мысли, наличие интриги, смена событий; 4) яркие характеристики исторических деятелей и в этом смысле персонификация истории; 5) воссоздание быта, нравов, духовного склада людей прошлого.

Жанры. Понятийно-терминологический аппарат в исторической науке разработан недостаточно. Дефиниции в толковых словарях и энциклопедиях подчас неопределенны и размыты, литературные аналогии малопродуктивны. Нет, в частности, ни определения термина «исторический жанр», ни общепринятой классификации исторических трудов по жанрам.

Исторический жанр — вид, форма трудов о прошлом со свойственными лишь ему сюжетом и особенностями изложения. Нам представляется относительно приемлемой следующая самая общая классификация этих трудов: теоретико-методологические, конкретно-исторические, учебно-справочные (с возможным последующим членением на группы).

Теоретико-методологические и историко-философские труды, а также исследования по специальным историческим дисциплинам обслуживают преимущественно саму историческую науку. Они являются предметом изучения главным образом в среде профессиональных историков. Хотя историк всегда должен стремиться к оптимально-доступной форме изложения, трудам этой жанровой группы может быть присуща известная академическая сухость. Следует особо оговорить недопустимость процветавшей в недавнем прошлом «воинствующей партийности» – слегка

закамуфлированной ругани в адрес идеологических противников – и помнить афоризм Ключевского: «Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами»³, любая полемика (критика) должна осуществляться с помощью аргументов, исторических фактов.

Конкретно-исторические труды чаще всего могут и должны быть доступны широким слоям читателей. Доступность является существенной предпосылкой выполнения историей ее общественного предназначения – «социальных функций». Основатель «Анналов» М. Блок даже считал доступность обязательным качеством исторических произведений: «Помоему, нет лучшей похвалы для писателя, чем признание, что он умеет.

Конечно, и в рамках наиболее массовой жанровой группы конкретно-исторических исследований характер и форма изложения не могут быть одинаковыми. Литературная сторона исторического труда зависит не только от установок на соответствующий круг читателей, но, прежде всего от характера описываемых историком событий прошлого. Многосюжетность и многопроблемность этих конкретных событий предполагают разную форму подачи экономических, внутривосточных, батальных, бытовых материалов. Экспрессия и взволнованность в рассказе о битве при Ватерлоо неуместны в повествовании об экономическом кризисе в Европе накануне 1848 года.

Учебные публикации (учебники, учебные пособия, курсы лекций) по уровню необходимой эмоциональности и яркости занимают, видимо, срединное положение между теоретико-методологическими и конкретно-историческими исследованиями.

Некоторые приоритетные требования (рекомендации) к этой жанровой группе исторических произведений: доступность, относительная краткость фраз, использование источников личного происхождения, особенно мемуаров, минимальное количество плохо запоминающихся и нередко нуждающихся в комментировании цифр, четкость дефиниций, по возможности – приближенное к устному рассказу изложение

Историзм языка. Базисное для профессионального историка положение о том, что, повествуя о людях прошлого теперь, он должен себе представлять, как они жили тогда, в полной мере относится и к языку. Несмотря на известную мобильность языка, в основе своей он консервативен. Словесная оболочка (форма) понятий сохраняется на протяжении столетий при радикально меняющемся содержании. Слово выступает в роли сосуда, который в разное время наполняют водой, вином, растительным маслом, песком, ртутью и т. п. Заимствуя слово из источников, историк должен представлять себе его реальное содержание (наполнение) в исследуемую эпоху.

Согласно Б. Д. Грекову, первоначально всех людей на Руси обозначали словом «смерд», но потом оно стало ассоциироваться со «смердеть» и – с обидным смыслом – осталось лишь для обозначения крестьян. Слова «обувь», «пушка», «корабль», «монарх», «демократия» имели разное смысловое наполнение в разные эпохи. Между тем ремесленные сандалии римской матроны и туфли-шпильки модницы нашего времени мы обозначаем все тем же словом «обувь», лодки эпохи греко-персидских войн и современные атомобусы – все это «корабли», а французские Людовики разных столетий от «первого среди равных» до абсолютных властителей – «монархи» и т. д.

Старая, новая, заимствованная лексика. Устаревшая лексика включает слова-историзмы и слова-архаизмы. Слова-историзмы ушли из языка, так как перестали существовать обозначаемые ими предметы или явления, например названия документов или стадий прохождения документов через бюрократическое делопроизводство прошлого; современных синонимов такие слова не имеют, и их смысл можно передать только описательно. Слова-архаизмы в ходе развития языка были вытеснены ставшими более употребительными синонимами, но значение их понятно (бранный, вкуче, всуе, вые, лоно, перст и др.). Конечно, от старого слова веет ароматом былой эпохи, но злоупотреблять ими историк не следует.

В развитии языка прослеживаются две тенденции: к сохранению – и к изменениям в лексике, произношении, написании. Более или менее крутым изменениям язык подвергался в переломные эпохи (например, русский язык в Петровскую пору, эпоху

Пушкина – Карамзина, в послеоктябрьские годы или в период командно-административной системы). Некоторые неологизмы оказывались словами-однодневками и вскоре выходили из употребления: «полундра» (берегись) или «буза» (ерунда) послеоктябрьских лет, «спецпереселенцы» или «спецхраны» более близкой поры, другие закреплялись в языке. Представляется, что, хотя историк не должен быть консерватором или пуристом, ему все же не следует идти в авангарде даже небольших языковых переворотов и он обязан придерживаться определенных правил, если не хочет оказаться, говоря словами Чуковского, в «низменной, отсталой и вульгарной среде».

Многие иностранные слова начисто растворились в русском языке («обрусели»), и происхождение их ведомо лишь узким специалистам. Регламентация употребления иностранных слов нелепость, чаще всего рождавшаяся от скрещения невежества с мракобесием. Галлицизмы двуязычного Пушкина (отнюдь не обижавшегося на лицейское прозвище «француз») не помешали ему стать реформатором русского языка. Замена некоторых по-немецки звучавших названий наших городов на русские во время двух мировых войн не сказалась на их результатах.

Представляется целесообразным употреблять слова иностранного происхождения при отсутствии адекватных русских, для специальных, научных и иных целей. Можно не ограничивать себя в их применении при обращении к культурному читателю. Ссылки пуристов на негативное отношение некоторых деятелей русской культуры к употреблению иностранных слов несостоятельны – это были выступления лишь против злоупотребления такими словами.

Общеизвестны дополнительные трудности, встающие перед историком-исследователем, использующим преимущественно иностранные источники и литературу. В частности, возникает проблема передачи на русском языке иностранных собственных имен и географических названий.

Самый общий принцип, из которого следует исходить: иностранные слова передаются по-русски так, как они произносятся на родном языке, имена же собственные не переводятся, а заимствуются. Иностранные слова подчас пишутся историками неправильно по разным причинам: незнание правил произношения, трудности транскрипции, историческая традиция и др.

По разным причинам в русский язык с давних пор вошли слова с неправильным написанием, не соответствующим произношению на родном языке. Немногие из них были исправлены (например, Невтон – Ньютон, Ивангое – Айвенго, Караибское море — Карибское море, Эривань – Ереван), но гораздо больше закрепилось. Мы привыкли к тому, что английские короли Джеймс, Хенри, Элизабет стали у нас Яков, Генрих, Елизавета, французские Шарль и Луи — Карл и Людовик, более того, мы говорим Карл X, но Шарль де Голль, хотя имена их произносятся и пишутся одинаково. Имеются сторонники глобального исправления всех ошибок (мол, люди переучатся, привыкнут), но явно преобладают – с убедительными аргументами – ученые, выступающие за сохранение ставших традиционными слов.

Цитирование и пересказ источников. Стремясь к повышению читабельности и убедительности своего труда, цитируя и по-иному используя с этой целью источники, в том числе художественную литературу, историк должен помнить, что они обладают неодинаковой степенью доходчивости и воспринимаются читателем по-разному. Может быть, на «полюсах восприимчивости» находятся статистические материалы и мемуары (к которым близки другие нарративные источники, эпистолярные произведения художественной литературы и искусства).

Хотя критически проанализированные статистические источники являются фундаментом конкретных и точных знаний о разных сторонах социально-экономической жизни, их использование в историческом труде, в частности цитирование, сопряжено со многими трудностями. Одной из характерных особенностей языка статистики — языка цифр – является внешняя сухость. Конечно, одно упоминание о 15-тысячном плательном

гардеробе помогает понять характер Елизаветы Петровны, но иногда даже отдельно приведенная голая цифра нуждается в комментировании. Ряды же из многих цифр, обширные статистические таблицы зачастую требуют разъяснения и расшифровки, и автор исторического труда (тем более лектор) обязан эту расшифровку дать, если не уверен во вдумчивости и аналитических возможностях читателя (слушателя), как, впрочем, и в наличии у него времени. Гораздо более популярны у аудитории мемуарные свидетельства, несмотря на их субъективизм, зависимость от ущербной памяти и другие отрицательные свойства.

Понятия и термины. Количество научно-исторических понятий и терминов в языке историка невелико, однако они принципиально важны, играют в изложении ведущую роль и «аподобие скелета, образуют теоретическую конструкцию картины исторической действительности». Историческое понятие содержит существенные признаки явления прошлого и в зависимости от уровня разработки может выглядеть как описание,

определение, термин. Понятия могут быть единичные и общие, видовые и родовые, конкретные и абстрактные, противоположные (контрарные) и др. С развитием исторической науки ее понятийно-терминологический аппарат меняется: одни старые понятия (термины) отмирают, содержание других совершенствуется, возникают новые понятия и связанные с ними термины

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература

Смоленский, Н.И. Теория и методология истории. [Текст] : Учебник. / Н.И. Смоленский. – М. : Издательство: Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 9785769591266

Овчаров, А.О., Овчарова, Т.Н. Методология научного исследования [Текст] : Учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – М.: Инфа-М, Норма, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-16-009204-1

б) дополнительная литература

Барг, М.А. Категории и методы исторической науки. [Текст] / М.А. Барг. – М.: Просвещение, 2007. – 245 с.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка. [Текст] / М. Блок. [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

Виппер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания. [Текст]. / Р.Ю. Виппер. – М., 1911. – 320 с.

Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. [Текст]. Учебное пособие. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ; Институт «Открытое общество», 1998. – 701 с. – ISBN-5-7281-0090-2.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. [Текст]. / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Коломийцев, В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). [Текст] / В.Ф. Коломийцев. – М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2001 – 192 с. – ISBN 5-8243-0201-4.

Лаптева, М.П. Теория и методология истории: курс лекций [Текст] / М.П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2006. – 254 с. – ISBN 5-7944-0689-5

Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. – 472 с – ISBN 5-7333-0150-3

Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: история, теория, метод. [Текст]. / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1996 – 80 с. – ISBN5-7281-0060-0.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ТЕМА 1	
Общие проблемы методологии исследования.....	5
ТЕМА 2	
Становление и развитие методов научного познания.....	10
ТЕМА 3-4	
Методологический плюрализм XX в.	17
Тема 5	
Эмпирический и теоретический уровни научного познания в истории	26
Тема 6	
Объект, субъект и предмет научного исследования в истории.....	31
Тема 7	
Общенаучные методы и приемы исследования.....	40
ТЕМА 8-9	
Специальные методы исторического исследования.....	44
ТЕМА 10	
Моделирование исторических явлений и процессов.....	52
ТЕМА 11	
Количественные методы в историческом исследовании.....	58
ТЕМА 12-13	
Исторический источник и исторический факт.....	68
Тема 14	
Этапы и структура исторического исследования	71
Тема 15	
Язык научного исследования	76